

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ.

ПЕРЕДОВАЯ.
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.
ПРОГРАММА XX-го ВЕКА.
ЗАДАЧИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.
СТИХОТВОРЕНИЕ.
ХОД КОНГРЕССА.
СВОБОДНАЯ ТРИБУНА:
а) НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ.
ОТЧЕТЫ.

КАТАЛОГ КНИГ ИМЕЮЩИХСЯ ПРИ ФЕД. А.-К. ГРУПП.

- Кропоткина — Хлеб и Воля
Речи Бунтовщика
Взаимная Помощь
Анархия, ее философия и идеал
Нравственные начала Анархизма
Современная наука и Анархизм
Анархия
Государство и его роль в истории
Жан Грав — Умирающее общество и Анархия
Будущее общество
М. Бакунина — Избранные сочинения том 1-й.
Новомирского — Манифест Анархистов Коммунистов
Из программы синдикального анархизма
Что такое Анархизм
А. Карелина — Политическая Экономия
К вопросу о коммунизме
Г. Макая — Анархисты
П. Эльцбахера — Анархизм
Раевского — Анархо-синдикал. и "критически" синдикализм.
Малатесто — В кафеине
А. Роллер — Всеобщая стачка и социальная революция
Русская Революция и Анархизм
(доклады и заключ. с'езда 1906 г.)
Чикагская драма

Кроме вышеназванных, у Федерации можно достать и друг. книги.

Клас
время, п
ный том
ни назад
Неск
как пост
потом в
тов", на
рабочие
шение с
зическая
та в в
по закон
ком поло
можности
шения у
веческого
тогда им
ление. Н
ным кози
ющих ка
легко и
зера и
вслучае
капитали
рами ста
ве класс
тому, что
ны гроз
когда то.
Но в
(официа
чилась, з
готовленн
вследствие
ли сбыва
крываться
сячами в
питалисты
и "уступч
перешли в
Выбросив
принялись,
в бараний

В ОБЛАСТИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В АМЕРИКЕ.

Классовая борьба в Америке, в настоящее время, приняла ход, совершенно противоположный тому, какой она имела несколько времени назад.

Несколько времени тому назад, в Америке, как поставщице, сначала неодушевленных, а потом вместе с тем и "одушевленных предметов", на поле военных действий,—спрос на рабочие руки превышал предложение. Превышение спроса до того было велико, что физическая работа начала входить в моду спорта в высших слоях, а в низших—считалась по закону обязательной. Понятно, что при таком положении вещей, рабочие имели все возможности требовать от капиталистов, как улучшения условий труда, так и более-менее человеческого обращения. Правда, капиталисты и тогда имели шансы на упорства и сопротивление. Напыщенный патриотизм являлся мощным козырем в их руках. Рабочих, предъявляющих какие либо требования, было очень легко и удобно клеймить "сторонниками" Кайзера и т. д. Государственная машина тоже, в случае чего... была в полном распоряжении капиталистов. Но все-же последние всеми мерами старались избегать конфликтов на почве классовых взаимоотношений. Старались по тому, что каждая минута остановки машины грозила уриванием барышей. Так было когда то...

Но вот Европейская война официально (официально не значит фактически), окончилась, заказы в Америку прекратились, заготовленные товары, на иностранном рынке, вследствие высокой ценности доллара, не могли сбываться—и начали одно за другим закрываться предприятия в Америке, начали тысячами выбрасываться рабочие на улицу. Капиталисты из роли лицемерных "миротворцев" и "уступчивых" торгашей в военное время, перешли в роль зачинщиков и наступателей. Выбросив миллионы рабочих на улицу, они принялись, оставшихся еще на фабриках, гнуть в бараний рог. Уступленные ими во время пре-

словитого "проспериты" (процветания), улучшения рабочим, быстро начали сводиться на нет. Рабочие, заняв оборонительную сторону, эвакуировали одну позицию за другой.

Почувствовав слабость со стороны рабочих, вследствие их разрозненной организованности, капиталисты до того развернули свой фронт наступления, что во многих местах начали переходить линию, занимаемую ими в до-военное время. Они не остановились на одних экономических поражениях рабочих, как-то: урезывании заработной платы и увеличении рабочих часов, а решили разбить последних и политически, т. е. лишить их возможности бастовать и иметь кое-какой юнионный контроль над фабриками. Оказывается, что даже такие безобидные средства, как легальная забастовка, в духе "приличия" и "деликатности" и желтые, консервативные, извращающие нрав рабочих тред-юнионы, стали не по вкусу американским капиталистам. Опыренные успехами в мировых отношениях, охваченные чувством империализма, они до того задрали голову, что мечтают о возврате "доброго старого времени"—феодализма, когда рабочий был лишен всех политических прав и не смел даже слова молвить против своего работодателя.

Правда, американские капиталисты в отличие от средневековых рабовладельцев, и здесь проявляют капельку „жалости“ и „гуманности“ XX-го века: они не становятся открыто, среди белого дня на горло своему рабу-рабочему, а представляют ему возможность пользоваться, в случае надобности (а когда ее нет?), по средничеству правительства. Зачем бастовать или организоваться, утверждают капиталисты, раз можно все недоразумения уладить при помощи правительства; а правительство ведь для того и—правительство, чтобы судить правильно и "отцовски", чтобы никого из "своих граждан" не обидеть, чтобы всем жилось хорошо и сладко. Настоящая большевистская идея!

Оно конечно, чем ночь темнее, тем звезды

ярче: чем наглее капиталисты будут жать рабских, тем сильнее последние будут чувствовать свою боль, и тем скорее отрешатся от предрассудка держаться в рамках "приличия". Уж слишком американский рабочий "приличен"; слишком "порядочен". Слишком еще его идеология пресыщена духом мещанства и спортивности. Имея столь могущественную организованность, располагая столь многолетними опытами классовой борьбы, и, при всем этом, являясь столь слабым и беспомощным—явный признак классовой незрелости и застоя критической мысли. Нужна буря... Нужен гром... И откуда бы эта буря ни началась, чей бы гром ни загрохотал, кто бы ни взволновал заплесневевшую "порядочность"—шаг к лучшему.

Онако, из этого не следует заключать, что необходимо радоваться дикой наглости капиталистов, и желать чтобы они глубже впивались когтями в измученное тело рабочих. Каждая капля рабочей крови имеет цену. Но раз сама буржуазия собирает на горизонте грозные тучи—пужно приветствовать грозу.

Разумеется было бы неправильно думать, что американские рабочие совершенно пассивно относятся ко посягательствам буржуазии: они противятся наглым заманкам последней, и очень часто свой протест выливают в забастовку. В Америке не проходит ни одного

дня, ни одного часа, чтобы там или в этом месте не было забастовки. Всего за несколько недель, как закончилась забастовка развозчиков молока, рабочих в мясной индустрии, теперь бастуют текстильные рабочие, а к апрелю готовится забастовка углекопов. Помимо этих, всегда есть забастовки с незначительным количеством людей. Но что толку в этих забастовках? Руководимые бюрократическими лидерами забастовки в Америке, борьбы превратились в своего рода игру случая или счастья (в которое, кстати, в Америке сильно верят), и не дают рабочим существенных результатов. Даже в случае благоприятного исхода забастовки, рабочие в сущности ничего не выигрывают, так как капиталисты параллельно с "победой" не замедляют вздуть цены на предметы потребления. Получается лишь больший оборот, но результат один и тот же. К тому же наличие большей полноты сто извращающе действует на нрав рабочего. Но это в случае "благоприятного" исхода, что же в обратном случае? Теперь как раз настал этот обратный случай и недалекое будущее покажет: пробудит ли он в американском рабочем сознание своего человеческого достоинства, или же он по прожнему будет ждать "челен" (возможности) отыграться. Хочется верить в первое.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

18-е марта... Холодно еще и неприветливо. Подкошенная мартовским солнцем, суровая зима, все еще силится и продолжает обдавать своим резким и колючим дыханием. Жалко, знать, Лединой Царице уходить с престола! Хочется ей еще и еще показать свою суровость и мощь, но... Но уже чувствуется близость весны. Чувствуется, что скоро, солнечными лучами, будет слезан последний пласт снега, съедена последняя льдина, и мать-земля покроется свежей и душистой зеленью. Жизнь забудет в миллионах проявлений. Великая и радостная жизнь.

18-го марта пролетариат всего мира, несмотря на пронзительные дыхания все еще царящей

зимы-капитализма, празднует великий подвиг Парижских рабочих—учреждения Коммуны.

Холодно еще и неприветливо, под суровой властью Капитала. Тело коченеет, из глаз искры сыплются; но 18-го марта все-же чувствуется близость весны. Чувствуется, что скоро, получившая трещину еще в 1871 г. льдина капитализма, будет сломана напором бурного потока чистой и живой воды—вольной мысли. Как бы правящие мира сего, ни старались сковывать холодом мысль общества, как бы они ни заволакивали тучами синеву небес, сколько бы они ни заслепляли глаз свирепыми мятелями; во луч солнца-правды, неизбежно, пробьется сквозь

все преграды и вызов к жизни ту Здоровую Волю и Великую Силу народа, которая 18-го марта 1871 г. хлопотала на улицах Парижа.

Смотря на нынешнюю Францию, взвешивая ее поступки и деяния последних лет,—трудно даже верить, чтобы этот, ослепленный шовинизмом народ, позволяющий "своему" правительству преспокойно играть на струнах национализма—следствием чего явилось: закабаление других наций и рас, бесчинства и издевательства над гражданами (выражаясь языком буржуазии), другого государства (напр. над русскими военнопленными)—чтобы этот народ, от имени которого все это делается, был способен на такие светлые подвиги, как провозглашение коммуны. Слишком уж. очень слишком, большой контраст между нынешней, с виду кокетливой, а в сущности—коварной Францией, и Францией нескольких лет тому назад. Нынешняя Франция—олицет. рабства, оплот и гнездо всетемных сил, преграда всем вольным стрем.; Франция 70-х, 40-х г.г. XIX го века, 90 х г, XVIII века—это живой, неустанно стремящийся вперед поток. На пути этого потока много встречалось разных скал, много раз его русло загромождалось обломками обвалов; но он мятежный просачивался сквозь всякие препоны; размывая и расчищая свой путь, он несся и несся, пока наконец, не влился в Великое озеро—Парижскую Коммуну. Тут он грозил хлынуть во все стороны, разлиться по всей стране, по всему миру, но... судьбе угодно было иначе...

Начиная с 1789 г. Франция, порвав цепи феодализма, представляла собой один клокочущий вулкан: то очень высоко подымалась на мировых весах, то падала слишком низко. Правительства сменялись за правительствами; сегодня гильотинировали приверженцев одних партий или сословий, а завтра—других; республика чередовалась с империей. Наконец, эта волнующаяся, бьющая иногда через края страна, дошла до Второй Империи. На сцену вышел Наполеон III-й. Этот человек, чрез тысячи человеческих трупов шагнувший на трон, водворил внутри Франции самый деспотический режим, и, при помощи войн, начал доискиваться внешней славы. В начале его замысли осуществ-

ствлялись: успешная Крымская кампания, столь же успешные войны с Австрией, затем экспедиции в Китай, Японию, Аннам, Сирию и друг.—дала возможность Наполеону 3-му играть главную роль в Европе. Но, как говорится, счастье изменчиво: вскоре Наполеон, в мировых отношениях, начал терпеть неудачи и терять свой престиж, внутри же страны, тем временем, царил полный Содом и Гоморра. Государственная бюрократия, пользуясь суровостью законов, жила, что называется, на полную ногу: казнокрадничала, издевалась над народом и самым небрежным образом относилась к своим обязанностям. Такой произвол со стороны бюрократии не мог, конечно, не способствовать быстрому разложению хозяйственного аппарата с одной стороны, и насаждению недовольства среди народа—с другой. Атмосфера сгущалась.

Чтобы предотвратить беду, чтобы отвлечь внимание народа от действительной причины всех бедствий,—Наполеон затеял, роковую для него, с Пруссией войну. С самого же начала войны, руководимая бездарными, распутными и продажными командирами армия Наполеона, начала терпеть одно поражение за другим. Наконец капитуляция Седана и пленение самого Наполеона, положило конец империи. Взволнованный военными событиями, народ вышел из пределов покорности; он не мог больше терпеть на своей шее продажных имперских чиновников, и 4-го сентября 1870 г. была провозглашена Третья Республика. Провозглашение Республики произошло без особых затруднений, так как устои Империи были до того подточены, до того подгниты, что при первом нажатии рухнули, не оказав никакого сопротивления.

Народ ликовал... Многочисленными толпами, в праздничных одеждах, по случаю воскресного дня, наполнял он улицы, бульвары, сады и скверы, поздравляя друг друга с великими событиями. Чувство счастья играло на всех лицах. Совершенно незнакомые жали друг другу руки, обнимались и целовались. Однако, плоды всех этих народных ликований и чаяний, были подобраны буржуазией. Народ все еще продолжал представляться чем-то стихийным: то грозно волнующимся, то упоенным радостью; но ни в

том, ни в другом случае, не имеющим собственного компаса и льющим туда, куда его направляют. Тая от радости, по поводу падения Империи и провозглашения Республики он забывал все свои "домашние" разногласия, и стремился к сплочению для общей борьбы с Пруссакими, как с казавшимися ему врагами Республики. Эта то доброта народа, эта его радость при чувстве Республики и дала возможность буржуазии, переворот 4-го сентября, использовать в свою сторону. Были сняты лишь императорские гербы в государственных учреждениях, в остальном же все осталось по прежнему, и ликующий Париж, к вечеру 4-го сентября, вновь находился в цепях.

Потекли мрачные и тяжелые дни осады Парижа Пруссакими. Народ, пылая любовью к Республике, проявлял самые геройские самоотвержения, он осаждал мерию (участковые управления), требуя оттуда оружия и за короткий срок обучившись военщине, становился в ряды национальной гвардии.

Казалось бы, что вновь сформировавшемуся буржуазному правительству оставалось только раздувать эти "национальные" чувства народа, но ему, как и всякому правительству, любящему лишь приказывать, не очень то улыбалась эта столь возбужденная самостоятельность последнего. Игра с таким народом-игра с огнем! Благо пока народ забывает свои "домашние" разногласия и всю свою силу и энергию направляет на, кажущихся ему врагов, Пруссаким, а вдруг... не ровен час.. возьмет да и сведет счеты. Поэтому то правительству, в силу необходимости, приходилось препятствовать (конечно, не открыто) проявлению слишком широкой народной самостоятельности. К тому же, родившееся благодаря войне, оно прекрасно учитывало, что благодаря этой же самой войне и погибнуть можно. Палка ведь имеет два конца! Ясно, что правительству, дабы остаться у власти, нужен был мир и обуздание пылавшего самопожертвованием народа. С этой целью оно принялось сеять среди народа уныние и неуверенность в победу, и в тоже время, всячески способствовало неудачам в военных операциях.

Несмотря на все это, проснувшаяся, вме-

сте с Республикой, геройская самоотверженность народа не охладевала. Туча, нависшая над Республикой, была слишком черна и угрожающа для того, чтобы хотя на минуту могли перестать со злобой и опасностью трепетать сердца.

Отстоять Республику!— все, чем жила и дышали парижане. Для Республики они жертвовали всем, отдавали ей все, что только могли. Матери своих сыновей, жены мужей дети отцы—осыпали поцелуями и с радостью отпускали в национальную гвардию. На всякого находившегося вне национальной гвардии смотрели с презрением, как на изменника, как на предателя Республики. Понятно, что при таком взаимоотношении, рано или поздно, между правительством и народом должны были возникнуть осложнения. Капитуляция Парижа и февральские выборы (давшие большинство монархистов), подлили масла в огонь. Как в том, так и в другом случае, народ увидел, что все его подвиги, все те жертвы, которые он принес на алтарь Республики, грубо и цинично попораны руками правительства.

Конечно, было бы большой ошибкой считать, что все трения между народом и правительством происходили на этой, так сказать, патриотической почве (хотя этот "патриотизм" скорее был любовью к республике, чем к родине): были тут и другие причины, чисто экономического характера. Терпя страшную нужду в осажденном городе, рабочие Парижа, в силу упрямившегося предрассудка (надежд на правительство), рассчитывали на проведение правительством некоторых облегчающих мер. Правительство же, наоборот, вместо облегчающих, вводило отягчающие меры. Так например, в силу экономических, в силу ли других соображений, оно, вместо учета и планомерного распределения продуктов потребления, установило на последние баснословные цены, вследствие чего продукты были доступны лишь богатому населению Парижа. Наконец санкционированные постановления в Бордо декреты: о просроченных вещах и о просрочке квартирной платы (декреты отвергали отсрочку квартирной платы и платы по векселям), открыто поставили рабочих перед дилеммой: или покорно склонить головы и

ждать монархии, или продолжать начатую революцию. Рабочие Парижа выбрали последнее.

После того как мир с германским штабом был достигнут и вотирован собранием в Бордо, правительство все решительней и решительней начало предъявлять свои требования парижскому народу. Центром правительственных предложений являлись 170 пушек, вылитых на средства населения и находящихся в распоряжении национальной гвардии. Правительство требовало от национальной гвардии передачи ему этих пушек и в то же время при помощи буржуазных газет, раздувало слух, что национальная гвардия собирается бомбардировать Париж, чему свидетельствует якобы самое местопребывание пушек. (Пушки находились в окрестностях Парижа, на возвышенностях Монтмарта). Чтобы разбить эту правительственную клевету, национальная гвардия соглашалась на перемещение пушек, и требовала от правительства указания надлежащего места, куда можно было бы перевезти пушки. Также национальная гвардия соглашалась на создание особого артиллерийского батальона из национальной гвардии, которому она вручит судьбу пушек. Но правительство все эти предложения национальной гвардии отвергло, так как, в противном случае, оно лишилось бы предлога расправиться с революционным Парижем. А предлог ведь нужен был.

И вот 18-го марта правительство послало свои войска, для занятия Монтмартских возвышенностей, где находились злополучные 170 пушек; но тут проявилась та великая сила чувствительности, которой так богат был парижский народ. Быстро разнесшаяся по всему городу весть о занятии правительственными войсками Монтмартских возвышенностей, поставила на ноги все население Парижа. Женщины первыми явились, и показали ту трогательную и чрезвычайную мощь, которая присуща, быть может, одним лишь женщинам. Они, с душою раздирающими воплями, падали на холодный чугун пушек, и в рыданиях замирали на них. Они со слезами на глазах умоляли правительственных солдат не стрелять в своих же братьев, и всякого склоняющегося к их мольбам обнимали и осыпали поцелуями. Измученные войной и потеряв

шие доверие к правительству солдаты, не могли устоять перед этой, поистине трогательной картиной. Подняв ружья вверх прикладами, они переходили на сторону толпы и национальной гвардии. Командовавшие войсками генералы Леконт и Клеман Тома, за свою дерзость, заплатили жизнью. Пушки были спасены. Победа была на стороне народа. Нарождалась Коммуна...

Переворот 18-го марта, как и 4-го сентября, произошел без особых кровопролитий. Буржуазное правительство Тьера, провоцировавшее народ к восстанию (как известно застрельщиком 18-го марта было правительство), несомненно, не рассчитывало на такой исход дела; оно надеялось свергнуть город в вихрь резни и бесчинств; но оно ошиблось в своих расчетах; у него не оказалось ни малейшей почвы среди населения Парижа, опираясь на которую можно было бы заливать улицы кровью; оно вынуждено было оставить Париж и бежать в Версаль. Первая битва, правительством была проиграна. Но увы!—не надолго. Победитель Париж оказался большим сантименталистом и слишком "порядковым демократом": страхнув с своей шеи ношу буржуазии, он увлекся празднествами новой победы, избирательством нового правительства и демонстрациями перед ратушей (городским управлением). Буржуазия же пользуясь временем, собирала свои, битые много раз Пруссакими, армии и стягивала их к Парижу. Прошло некоторое время и Париж опять оказался осажденным городом, но на этот раз не иностранными, а "своими отечественными" армиями. Опять тысячи зияющих жерл пушек смотрело на Париж. Опять на его улицах разрывались снаряды.

Начались бои... Парижский народ грудью защищал каждую пядь земли, каждая плита, каждый камень мостовой, были политы его потом и кровью. Женщины, старики, подростки—все мужественно дрались на баррикадах и проявляли стоящие похвал и восхищения подвиги. Но неравная была сила. Не мог парижский народ устоять перед бешеным натиском, во много раз численностью его превосходящих, покорных буржуазии войск. Баррикада пала за

баррикадой и через девять дней страшных боев... все совершилось. Тьер захлебывался в крови! Десятки тысяч парижан были им растерзаны, другие десятки тысяч были схвачены, закованы в кандалы и отправлены на каторгу, на далекие острова Индо-океанских вод. Целых пять лет работал военный буржуазный суд, "очищая" Францию от виновников Парижской Коммуны.

Так поплатился парижский народ за свои попытки к освобождению, а также, отчасти, и за свои ошибки, которые он допускал в этих попытках.

Несомненно, что время и обстоятельства

для Парижской Коммуны, были самые неблагоприятные: у стен Парижа стояли две армии — армия Тьеа и армия Бисмарка; но если бы парижский народ, вместо своей "демократичности", располагал большей долей бунтарства; если бы он, вместо налаживания нового правительственного аппарата, продолжал разрушать старый — продолжал преследовать трусившую на первых порах буржуазию; если бы он революционные волны выбросил за стены Парижа, и слил с волновавшимися уже другими городами, — возможно, дело приняло бы другой оборот. Но как видно, не бывает добру без худа!

Автономов.

ПРОГРАММА XX-ГО ВЕКА.

"Свобода, подобно истине, не составляет какого либо частного вида человеческих благ, а служит одним из необходимых элементов, входящих в состав каждого частного блага". (Н. Г. Чернышевский. Труд и капитал.)

Стремясь к счастливой жизни, рабочие ставят ту или иную ближайшую цель, ту или иную ближайшую задачу.

Но каждый раз "давящие" общественные классы, а то и группы населения встают во главе рабочего движения и пользуются им для своих целей, или всецело пожинают плоды революционного выступления рабочего люда.

Почти всегда оказывалось, что буржуазия или интеллигенция, или полунинтеллигентные группы населения съедали плоды там, где пахали, сеяли и жали рабочие.

Причина этого заключалась в том, что рабочий народ настолько неотчетливо представлял себе цель, к которой стремился, что ее легко подменяли всевозможные политики "своими" целями и снова обрекали народные массы на бедную, скудную жизнь.

Усталый от героической борьбы, обескураженный ясно прочувствованный неудачей движения или восстания, растерявшийся народ отступал перед кучкой захватчиков власти, которые громко кричали о победе народа, о том,

что они — захватчики — являются выразителями народной воли, не стеснялись тысячами и даже сотнями тысяч убивать рабочих и терроризировали их свирепо-палаческой деятельностью. Опираясь на свою подкупленную полицию разных видов и на свою бюрократию или наживающую деньги публику, правители обращали тружеников в какую то разновидность рабочего скота, при чем не скупились сулить порабощенному народу прекрасное, светлое будущее, обольщая рабочие массы миражем ложных надежд.

Движения рабочих масс в конце XVIII в. дали народу очень мало. Почти ничего не дали эти движения и в XIX веке. Многие из нас увидят, что именно дадут трудящимся восстания XX-го века. До сих пор они ничего не дали рабочим, много дав политическим партиям.

Лозунги, под которыми шли рабочие, или обезображивались до неузнаваемости, или оплошались правителями и давящими общественными классами, как был, например, оплошён лозунг "братство, равенство и свобода". В других случаях эти лозунги выбрасывались из правительственного обихода, или заменялись чем то буквально противоположным. Эти лозунги лживо провозглашались вредящими интересам народных масс, а в действительности

мешали правителям деспотически распоряжаться жизнью подданных.

В других случаях самый лозунг был ошибочным, как, например, лозунг "промышленные предприятия—социалистическому государству", а не рабочему человеку, как целому. В этом случае предполагалось, что производство и распределение продуктов, будет организовано на коммунистических или на социалистических началах. Герберт Спенсер говорил (в начале 80-х годов прошлого столетия) о таком государстве следующее:—"случись при таких условиях что-либо вроде войны с соседним государством или какой-либо междоусобной суеты, потребовавшей вооруженной силы для ее подавления, и социалистическая администрация превратится разом в страшную тиранию, подобную той, которая существовала некогда в древнем Перу,—тиранию, под которой масса народа, находясь в руках чиновничьей иерархии, живя под недремлющим уличным и домашним надзором и работая чисто для содержания правящих властей, будет получать сама едва одно только голое пропитание". (Г. Спенсер. Грядущее рабство. С-Петербург. Изд. А. Е. Рябенко 1884 г. стр. 75-76).

По мнению Спенсера, в социалистическом государстве на долю начальства выпадает давание приказаний рабочему классу, а на долю рабочих выполнение заданных начальством уроков. Каждый гражданин этого государства попадает "перед агентом власти в положение раба по отношению к господину". (Там же стр. 70—71).

Жизнь таких социалистических государств, как Венгрия и Россия, дает возможность проверить насколько точны или насколько произвольны были предсказания Спенсера.

Какова же должна быть программа рабочих XX-го века, та программа, осуществление которой дало бы рабочим возможность жить счастливо и достойным человечества образом?

Еще Н. Г. Чернышевский писал: какое благо ни возьмете вы, "вы увидите, что условием его существования служит свобода". (Полное Собрание Сочинений т. VI стр. 11). Можно да

лее сказать, что жизнь без свободы стоит очень мало, а жизнь при наличии свободы прекрасна и дает людям счастье. Тем не менее, речь идет здесь об истинной свободе. Нет сомнения, что свобода конституционных государств западной Европы является простой самозванкой. Надо также указать, что нет свободы в социалистических государствах, как нет ее, например, в России, где политическая свобода даже не обещается гражданам стоящими во главе этого государства лицами. ("Мы не обещаем никаких свобод", говорил в июле 1921 года В. И. Ленин). В социалистическом государстве свобода воистину является "бессмысленными мечтаниями", "демагогией" и прочее.

Свободы буржуазных государств, это—лицемерные свободы, так как нет и не может быть свободы у бедняков, которым приходится за гроши продавать свой труд, которым приходится работать на капиталистов. "Нищета есть рабство" и нищета, то приличная, то отвратительная, то скрывающая свое убожество под приятной внешностью, то откровенно выставленная на показ свои ужасные язвы—обычное явление в капиталистических странах. Эта нищета—один из тех китов, на которых покоится буржуазное общество.

Для бедняков нет свободы слова, печати, собраний. Нет материальной возможности, нет времени создать свою прессу, хоть скольконибудь влиятельную и заметную. Нет у бедняков и средств для найма больших помещений под собрания. Да и все другие свободы являются для бедняков неясными призраками, так как свобода в капиталистических странах давно уже стала роскошью богатых. Право свободы в таких общезжитиях—такое мертвое право, как право для бедняка построить роскошный дворец для собственного пользования.

Только при наличии материального благополучия человек может быть свободен. Материальное же благосостояние рабочего народа мыслимо только при том условии, что все средства производства (фабрики, заводы с оборудованием, железные дороги, пароходы и пр. и пр.) будут общим достоянием и будут находиться в заведывании рабочего класса, его ра

бочих союзов.

При наличии этого условия исчезнет эксплуатация рабочего народа капиталистами и станет затруднительной эксплуатация рабочего народа правителями и интеллигентами.

Но это только одно из условий возможной свободы. Безусловно необходимо также, чтобы каждый имел право и возможность получить работу. Если останется право и возможность оставить без работы хотя бы одного желающего работать, если одни будут получать из продуктов общественного труда больше, чем им следует получить, при условии справедливого распределения, (то есть, получить столько, что благодаря таким большим получкам, не будут удовлетворяться потребности других людей)—свободы не будет.

Свободы не будет и в социалистических государствах, тем более, что в этих обществах неизбежны правители, насилующие волю других обывателей—подданных, лишаящих их свободы каждый раз, когда это желательно предстателям верховной власти.

В глубокой древности разница между рабом и гражданином бросалась в глаза. В настоящее время эта разница маскируется, но тем не менее сущность рабства остается. Раб работает не только на себя и на своих, но и на господ, отдавая им все, что господа желают от него взять. Совершенно такое же соотношение заметно в настоящее время между рабочими и капиталистами, а также между рабочими и государством—предпринимателем. Но и простое государство (правители) берет свою долю, урезывая скромный доход бедняков и заставляя капиталистов брать с рабочих и ту долю производимых ими богатств, которую государство отбирает у богачей в виде налогов.

Если мы будем говорить о крестьянах, то в этом случае капиталист-предприниматель заменяется капиталистом-ростовщиком или капиталистом-купцом, а роль государства, как налогодателя, выступает особенно рельефно. Правители умеют заставить крестьян работать на себя то грубо-хищническими, то хитрыми приемами, отбирая у этих тружеников продукты их тяжелого труда.

Экономические признаки не исчерпывают сущности рабства. Раб не имеет права говорить то, что думает, не смеет критиковать свое глупое распоряжение своего господина или распоряжения своего правительства в деспотических странах. В этих несчастных странах, в этих тираниях подданные не имеют права печатать свои произведения без разрешения правителей, при чем гениальные произведения запрещаются, погибают без пользы, а бездарные пошлейшие произведения холопов власти издаются в массе экземпляров.

Правители не дают далее права рабочим собираться, не дают права устраивать союзы, лишают граждан права свободного передвижения. Нет и тени свободы и безпросветный мрак порабощения, как густой туман, стелется в этих деспотиях. При этом правители, а в особенности правители социалистических государств, постоянно утверждают, что все эти ограничения и лишения свободы, сделаны ими для блага подданных, или для блага более или менее отдаленных потомков этих несчастных обывателей.

В некоторых случаях рабовладельцы-правители идут еще далее: они убивают самостоятельность народа и своей сметливой деятельностью, своим бюрократическим времяпрепровождением пытаются заменить народное творчество. Скорее им удастся зажечь второе солнце, чем добиться этой цели. Все разлагается в руках чиновников, пытающихся организовать производство. Все беднее, все скуднее, все пошлее становится жизнь обывателей. Отсутствие свободы слова порождает фантастические злоупотребления, невероятное взяточничество, шпионаж. Высшие правители самым наглым образом маневруются своей бюрократией и становятся все более и более ненавистными для своих подданных. К чувству ненависти примешивается чувство полного презрения и напрасно стараются тогда правители террором заставить уважать себя. Их террор называют "террором трусов", над их неизбежными неудачами и над их покояниями в этих неудачах, обыватели смеются. Насмешки, начиная от самых незлобных до самых ядовитых, градом сыплются на

воображающих себя грозными, правителей; обыватели срывают свое сердце, но жизнь становится все более и более невыносимой. Народные массы неудержимо нищают. Городские и сельские голодовки захватывают все большие и большие районы. Богатеют только бюрократы-воры, бюрократы-взяточники и пользующиеся их незаконными услугами спекулянты.

Рабовладельцы-правители из кожи лезут, стараясь улучшить экономическую жизнь страны, меняют свои программы и свою технику, мечтают о крупном производстве и, отказавшись от социализма, отыскивая его основания в обеднении крестьянства и первоначальном накоплении. Крестьянство систематически разоряется, мелким хищникам дается некоторая поддержка в их безудержном стремлении к обогащению, спекуляция охватывает широкие круги населения и все таки никакого толку не выходит из всей этой суеты. Крупная промышленность немыслима без политичес. свобод. Она немыслима, если каждый промышленник может быть в любой момент арестован по приказу и произволу глупого хулигана, поступившего в ряды шпионов, когда коммерческая тайна не может быть сохранена, когда нет неприкосновенности корреспонденции и пр. и пр. Одна экономическая политика сменяется другой; то, за что вчера расстреливали, сегодня вменяется в обязанность и все таки, кроме скучной чепухи, ничего не выходит.

Попытка создать коммунистический строй полицейскими мерами, при полном отсутствии свободы может создать только такой строй, который порождает отвращение. Любопытна в этом отношении попытка иезуитов, устроивших между Паранной и Урагуаем в 1638-м году коммунистическое государство, насчитывающее через сто слишком лет более 100.000 жителей. Подданные этого государства беспрекословно, слепо подчинялись своим правителям-иезуитам. Здесь все было общим достоянием. Тем не менее, каждая семья жила в особом доме. "Каждая семья получала свою порцию хлеба, мяса, парагвайского чая, свою порцию соли, табаку и все это в изобилии и хорошего качества" (А. Фойгт. Социальные утопии. С. П,

1906. стр.60-61) В этом государстве вырабатывались музыкальные инструменты, предметы искусства "всякого рода". Мальчики умели читать и писать, девочки прясть и вязать. Работа не была тяжелой, устраивалось множество празднеств и увеселений. Музыка и танцы были нередким развлечением подданных.

И что же? подданные коммунисты лишались даже и тени инициативы и самодеятельности. Все проявления вольной самопомощи погасли у них. Что либо похожее на человеческие, хорошие чувства, заглохло. Все эти подневольные коммунисты походили на обжорливых животных. Тем не менее, в поселениях этих подданных рабов, лишенных и тени свободы, господствовали тоска и скука. Население перестало даже размножаться. Так убийственно действует на людей рабство, хотя бы и достигшее казарменного равенства.

Без экономической и политической свободы рабочий класс, как был, так и останется глубоко несчастным, эксплуатируемым, угнетенным.

Экономической свободой мы назовем отсутствие эксплуатации, возможность для каждого гражданина пользоваться приблизительно равным материальным благосостоянием, удовлетворяя свои потребности, как и все другие граждане.

Политической свободой называются те свободы, которые перечисляются в программах политических партий (очень подробно были они перечислены в программе партии социал-демократов большевиков, пока эта партия не захватила государственной власти). Эти свободы торжественно обещаются, пока партии не у власти, а затем обрезаются или все цело отбрасываются, раз только социалистическая партия достигла власти и почувствовала за собой достаточную полицейскую силу. В Советской России например, не существует и тени свободы выборов, слова, печати, союзов, собраний, манифестаций, передвижения, выбора занятий и пр. Нет и тени сомнения, что при ужасном царском режиме рабочий класс пользовался большей свободой, чем при режиме большевиков, создавших свою диктатуру.

Политические свободы в их полном объеме, которыми могли бы наслаждаться все граждане, мыслимы только в общезначимых, не знающих государственной и какой бы то ни было принудительной власти.

Одновременное осуществление экономической и политической свободы, как раз и является той ближайшей целью, к которой должен стремиться рабочий народ XX-го века. Программой рабочего класса XX-го века как раз и является деятельность, направленная к достижению названной цели.

Рабы и полу-рабы не могут быть счастливы, не могут жить достойной человека жизнью.

Без свободы не мыслимо мало мальски достойное человека существование. Все программы ложны, кроме той, в основу которой положена необходимость немедленного, полного, безусловного осуществления интегральной свободы. Программа и лозунг рабочего люда XX-го века — это **"СВОБОДА И ТОЛЬКО СВОБОДА"**. Все остальное приложится к ней.

А. Кочегаров.

Р. С. Автор данной статьи извещает свое согласие на издание ее в виде брошюры. Если какая либо группа или район найдут это соответствующим, — могут приступить к изданию, оповестив об этом остальные группы.

ЗАДАЧИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

Вопросы будущего общества, призванного заменить современный капиталистический порядок, перестали быть достоянием чисто теоретических построений и споров, перестали быть предметом забот только одних социалистов: теперь все сколько-нибудь умные и думающие люди уже видят, что господству буржуазии, в том чистом и безраздельном виде, в каком мы привыкли видеть его до войны, придет в ближайшем будущем конец. Что заменит его — об этом всякий думает по своему — начиная от буржуа, который готовится к тому, чтобы принять и признать некоторый контроль рабочих над производством и кончая революционером, рассчитывающим на полное низвержение капитализма и замену его совершенно новым экономическим строем. Чьи предвидения окажутся вернее и чей идеал осуществится "на другой день" революционного взрыва, который не за горами во всех странах цивилизованного мира — будет зависеть главным образом от того, на сколько рабочие сумеют отстоять свой идеал, насколько они смогут взять производство в свои руки и направить его так, чтобы общество от этого немедленно выиграло в своем благосостоянии, чтоб революция сразу стала на путь, на котором она способна действительно создать "довольство для всех".

Вот почему нет в настоящую минуту воп-

роса насущнее и важнее, чем вопрос об организации производства и распределения продуктов с того момента, когда испуганная буржуазия покинет свои фабрики и мастерские и все обаяется в полном распоряжении рабочих. Для рабочих организаций — прежде всего для профессиональных союзов — существеннейшей задачей становится разработка этого вопроса в практической форме, подготовка рабочих в каждой отрасли труда к самостоятельному заведению этой отрасли в момент, когда они окажутся ответственными ее хозяевами. Само собою разумеется, что о такой практической подготовке в настоящей статье не может быть и речи: это — дело специалистов, рабочих, техников вообще людей, непосредственно занятых в производстве. Но всякий социалист *), всякая группа пропагандистов не только имеет право, но обязана выработать себе известную точку зрения, обдумать то, что дал происходящий на наших глазах опыт России и наметить хотя бы некоторые основные вехи, по которым желательно было бы, что бы направлялась более компетентная работа техников-специалистов. Намечать такие ос-

*) Слово "социализм" употребляется нами всегда в его истинном, не искаженном смысле: социализм включает как направление государственное, так и анти-государственное, анархическое.

новые вехи и привлечь к вопросу внимание товарищей—задача этой статьи.

I

Об организации производства в социалистическом обществе существует много различных представлений; самое распространенное и самое легко доступное для понимания, это—представление социал-демократическое, идея национализации. Обосновывается она очень просто: социализм, говорят социал-демократы, стремится к переходу орудий производства из рук частных капиталистов в руки общества, а общество имеет своим представителем и выразителем государство; поэтому государство становится единственным крупным предпринимателем, и прибавь с предприятия, т. е. со всей "национализованной" промышленности, идет на его нужды. В этом пункте нет разногласий между социал-демократическими "партиями"; представляют ли они себе государство в виде парламентарской республики или в виде царства Советов—это все равно: сущность остается одна и та-же: государство хозяин естественных богатств страны и орудий производства, а все граждане—его наемные рабочие. Во главе всей экономической жизни стоит та-же организация, в руках которой находится и политическая власть. Какое странное усиление государства в результате—сразу видно. Оно держит в своих руках все источники жизни; зависимость подданных от него безусловная. Государство—очень властный хозяин; как всякий хозяин хочет безконтрольно распоряжаться своим предприятием и очень не охотно терпит вмешательство рабочих или законодательство в его дело, так и государство-хозяин хочет быть единственным распорядителем своего огромного предприятия. Законодательство в его руках; что же касается вмешательства рабочих, то, как у частного хозяина, оно допускается только тогда, когда его нельзя избежать. В экономической области, государство не соглашается даже быть конституциональным монархом, а желает быть монархом абсолютным. Уже теперь мы видим, что повсюду в капиталистическом порядке государственные служащие находятся в большей зависимости от своего хозяина, чем всякие другие; то

же самое происходит и на другом полюсе общественной организации: в попытке коллективистического строя большевиков. В России рабочие (бодто-б господа положения) лишились понемногу права рабочего контроля; функции заводских комитетов свелись на мелкую администрацию; наконец, даже единственное прибежище рабочих в борьбе за свое существование и за свои права, завоеванное долгою и кровавою борьбою—право стачки, и то утратилось. Венцом же всего этого явились "трудовая мобилизация и трудовые армии"—новое крепостное право. (Они правда, потерпели полное фиаско, но то уже не заслуга государства). Да иначе и быть не может: никакая власть не ограничивает самой себя, если ее ничто к этому не принуждает. А если у власти стоят люди, проводящие какую-нибудь идею и верящие, что ее можно осуществить только принудительной силой, сверху, то они будут—и это вполне понятно еще неуступчивее, еще абсолютнее в своем стремлении распоряжаться всею жизнью граждан.

Уничтожение всех прав рабочего—индивидуальных и коллективных—над властью государства-хозяина оправдывают обыкновенно необходимостью поднять промышленность страны (этим оправдывала большевистская власть создание своих принудительных "трудармий"). оставим на минуту принципиальные соображения и посмотрим оправдывает ли эта система возлагаемые на нее надежды. Во-первых, сама по себе бюрократическая организация производства отвлекает множество людей от производственного, полезного труда и заставляет их заниматься канцелярским бумагомаранием. Какую бюрократию создало большевистское государство в России—теперь знает всякий: само большевистское правительство распускает теперь сотни тысяч чиновников, оказавшихся изменниками. Плохо приспособлено государство-хозяин и к борьбе с тем понижением производительности труда, которое неизбежно следует за такими катастрофами, как война, голод, общий недостаток в самом необходимом и т.д. Это видно уже из того, социалистическая власть в России не нашла другого пути для

поднятия производительности труда, кроме тех самых мер, с которыми так давно борются рабские капиталистической Европы и Америки: поштучная плата, система Тэйлора, премии и т. д. Везде в России плата по часам уступила место плате сдельной. Все эти меры большевики несомненно принимали скрепя сердце, потому что они, во всяком случае, социалисты; прибегали они к ним потому, что очевидно в их программе, в государственном хозяйстве другого выхода они найти не могли. Но все это потерпело фиаско, и не признавая другого социализма кроме государственного большевистское правительство ищет теперь спасения совсем с другого конца: оно обращается за помощью опять к буржуазии, возвращая ей часть отобранных прав, восстанавливая целый ряд частных предприятий. Но это—такое решение вопроса, которое ведет нас не вперед, а назад.

Вот перед нами другая формула, с первого взгляда более заманчивая. Это—переход промышленных предприятий в собственность той группы рабочих, которая работает в данном предприятии или, немного шире, в данной отрасли труда. На место частного собственника становится рабочий кооператив, эксплуатирующий предприятие в свою пользу. В первый год русской революции, еще до октябрьского переворота, было несколько примеров захвата фабрик рабочими; давалось им это легко: владельцы сами покидали свои предприятия. Известно, как они обращались еще к Скобелеву (министру труда при Керенском): "Избавьте нас, ради Бога, от наших фабрик, возьмите их себе и делайте что хотите". Скобелев нашел нужным всячески—просьбами, угрозами—удержать капиталистов на своих местах; но когда им можно было уйти под давлением натиска рабочих, они несколько не сопротивлялись. Позднее уже при большевистском правительстве, был введен рабочий контроль. Он оказался бесполезной полумерой: в одних предприятиях он оставался мертвой буквой; в других рабочие находили (вполне логично), что раз заводское управление отдано под их контроль, то им и вообще нечего оставлять завод старому владельцу. И

вот они захватывали заводы и объявляли его своею собственностью. Но это дело опять так же только собственность группы людей, вместо одного человека—не больше. Коллективный собственник также вел конкуренцию с другими, также заботился только о своих интересах, также старался привлечь к себе все заказы (в данном случае казенные), также захватывал в свою исключительную пользу необходимый материал и т. д. Групповой эгоизм развивался на место индивидуального; страсть к наживе оставалась та же и, кроме того, создавалась конкуренция и вражда в самой рабочей среде.

Единственные препятствия помешали, однако, этой системе распространяться на все общество. Большинство предприятий дает доход, п. ч. производит предметы на продажу или оказывает обществу платные услуги (как железные дороги или трамваи), в таких предприятиях рабочие-собственники делят между собою барыш. Но есть очень много таких, которые не только не дают дохода, но, наоборот, требуют затрат: школы, больницы, работа по поддержке дорог, чистке улиц и проч. и проч. Каково же положение людей, занятых в этой отрасли труда? как будут они существовать, если эти учреждения перейдут в их заведение и на какие средства они будут поддерживать их? Очевидно, для них принцип рабочего кооператива должен быть как нибудь изменен. Можно себе представить конечно, что платить будут потребители, но это будет шаг не вперед, а назад: одно из лучших завоеваний экономического прогресса, это то, что хоть некоторые приобретения культуры—школы, больницы, мосты, дороги, пользование водой и некоторые другие становятся даровыми и общедоступными. Сделать их платными—значило бы прибавить еще несколько привилегий имущим и отнять самого необходимого у неимущих.

Все эти—и некоторые другие—соображения делают и такой выход непригодным. На практике—на опыте России, к которому опять приходится обратиться, как к единственному социалистическому опыту, неудобства этой системы, введенной в начале большевистского

риода, заставили советское правительство отказать от нее и вступить на путь государственной национализации. В сущности следовало бы искать третьих путей, посмотреть нет ли способов передать хозяйственную жизнь в руки самих рабочих так, чтобы эти неудобства были устранены. Но для этого нужно было выйти из рамок социал-демократических идей, а на это большевики не были способны; их марксистское воспитание подказывало им одно — национализацию в руках государства, как самый легкий и уже известный путь. И они пошли по этому пути все более и более решительно — вплоть до того момента, когда неудача, а главное голод, заставили их повернуть в

сторону уступок капитализму, как в России так и вне ее.

Но остановиться на таком результате, принять его — значило бы признать неспособность, нежизненность социалистического порядка вообще. Этого не допускает ни наш ум, ни наша совесть. А сознание своей ответственности перед будущим не позволяет нам удовлетвориться одною критикою большевистской системы и констатированием банкротства государственного социализма. Нам необходимо найти третий СВОЙ выход. Попробуем поискать его.

М. Корн.

(Продолжение следует).

Наполеонам — Большим и Малым.

САША ПЕТР.

Промчался быстро целый век
С тех пор, как ты скончался;
И над людьми "сверх-человек",
Ты властно ввысь поднялся.
Пред гордым образом твоим,
И пред печальным, роковым,
Стремительным паденьем,—
Весь мир с склоненной головой
В безмолвном изумленьи
Стоит огромною толпой,
Во прах склонив колени.
Твоим сражениям хвалы
Твердит их детский лепет;
Твои капралы и орлы
В святой приводят трепет.
Но пусть, как рой, к тебе летят
Хвалы и слава века,
Пусть рабы тебя рядят
В мундир "сверх-человека".
Пусть! Но мир иной придет—
Свободный величавый...
Он оценит тогда, поймет
Твой тусклый блеск кровавый;
Поймет вполне, что не высок
Был трон твой и держава;
Что кровью залит твой венок
И трупом пахнет слава!
Ты б людям мог помочь разбить

Проклятые оковы
И ярким светом озарить
Их вечный мрак суровый.
Помочь им возвести чертог
Свободы, счастья зданье;
Ты б мог великим быть, ты б мог
Свершить свое призванье,
Но ты, ты, как палач, казнил
Священный цвет свободы
И затоптал и задавил
Ее благие входы.
И светлый дивный идеал
Замученных народов
Сжигать рукой преступной стал
В огне своих походов.
Ты их страдания презрел,
Не облегчил их муки
Иной пришел тебе удел
Иные звали звуки...
Покойся! но пока наш век
Не воссияет новый,
Пока страдает—человек
Влачить будет оковы,
Пока их мрачный дикий звон
Греметь над миром будет,—
До тех пор пусть несчастных стон
Тебя, твой век, Наполеон,
Укором грозным судит.

ХОД КОНГРЕССА.

(Окончание).

Ввиду отсутствия делегатов из России, Испании и Италии, где крестьянский вопрос имеет громадную важность, предложено временно отложить 4-й вопрос порядка дня и перейти к следующему: Так называемая "Диктатура Пролетариата".

Гуссарт: — Дает краткий и несложный доклад в том духе, что анархизм не признает и не совместим ни с какой диктатурой. "Диктатура-же Пролетариата" ярко и наглядно показала всю свою тенденцию, быть Диктатурой партии. Всякая классовая—буржуазная или пролетариата—диктатура вредна развитию общества. Понятие Анархистов о революции, как социальной революции—противно всякой диктатуре, т. е. насилью власти.

Кагн—Германия: — Вне всяких сомнений, анархисты—противники всякой диктатуры; удивляется почему Сидикалисты Франции так неопределенны в этом отношении и почему нет от них представителей?

Роккер: — Поясняет мнение Гуссарта, и от себя добавляет, что в анархической революции не должно быть места централизму или диктатуре.

Де Лайт: — Большинство анархистов Голландии против как политической, так и экономической диктатуры. Хотя принципиально мы и против насилия, но нельзя не употребить насилия против угнетателей. В 1921-м году анархические организации Голландии приняли резолюцию против всякой формы диктатуры.

Волгин: — Понятие Анархизма и понятие Диктатуры взаимно исключают друг друга. Мы против насилия в теории и на практике, но, будучи вечно насилуемы, противопоставляем насильникам активное сопротивление. Диктатура-же есть насилие—организованное и сконцентрированное. Мы революционеры и верим в борьбу, но не классовую, а борьбу угнетенных против угнетателей. Наше отношение в С. Штатах и Канаде к диктатуре и "Диктатуре Пролетариата" вполне отрицательное с самого ее зарождения. Экономическая диктатура, о которой говорят иногда Синдикалисты, породит такую же бюрократию, как и политическая.

Бьеркунд: — Надо обратить внимание на хаос, внесенный в среду Анархистов к "Диктатуре Пролетариата". Этот лозунг явился основой нового государства. Будучи два месяца в России, я увидел, что диктатура—величайшее несчастье страны и народа. В начале Россий-

ской Революции, многие товарищи в Швеции были за диктатуру, но теперь всецело против всякой ее формы, как политической, так и экономической. Мы не против насилия, ибо его необходимо применять во многих случаях. Силой надо захватить фабрики и заводы и изгнать буржуазию: хотите с нами работать—прекрасно, а нет—идите своей дорогой.

Бруно (испанец, нелегален в Германии—в связи с выдачей его Испании по делу убийства Дато): — Диктатура может быть насильем, или средством борьбы. Есть три рода диктатур: Буржуазная—в капиталистических странах; Политическая—в России, и Рабоче-экономическая, которую нам нужно применить для самозащиты. В Испании восприняли идею рабочей диктатуры, как средства борьбы и самозащиты.

Де Лайт: — В Швеции, как видно, не признают материальной диктатуры, а только этическую. Мы видели революции: и буржуазные и социалистические, но они были только политические, за захват власти и диктатуры и не дали добрых последствий для народа. Мы должны стоять за Анархическую революцию, которая разрушит всякого рода диктатуры.

Каспер—Голландия: — Предлагает и читает резолюцию Французского Конгресса.

Гуссарт—Предлагает резолюционную комиссию для обработки резолюций и для того, чтобы каждый делегат имел копию.

Гюго Трой: — Предлагает совместно с резолюцией "Диктатуре Пролетариата"—вынести и резолюцию протеста против большевиков.

Маврициус: — Предлагает не выносить резолюции, а во всех странах принять самые крайние, революционные меры против большевистского правительства и его представителей, дабы прекратить массовые убийства и заключения в тюрьмы тов. Анархистов в России. Мы должны быть революционерами и гордиться именем Анархиста.

Председатель: — Предлагает захватывать представителей Сов. правительства, как заложников, за российских Анархистов.

Лангер: — Предлагает не голосовать ни в каких резолюциях.

Де Лат: — Говорит о не моральности захвата заложников, ибо такое грубое насилие не поможет

варишам Анархистам в России..

Маврицус:—Захват заложников и все другие революционные меры—вполне моральны. Если грубый человек бьет дитя на улице и ваши увещевания не помогают,—разве вы не ударите насильника? Необходимость противооставить насилию насилие—более чем морально.

Бруно:—Те-же меры и протест надо употребить и против Испанского правительства.

Из группы итальянцев:—Если в Италию, приедет Лозовский—мы с ним не поцеремонимся!

Волгин:—Поддерживает мнение о необходимости крайних мер, но считает это делом каждой страны, каждой группы, каждого индивидуума. Предлагает и читает резолюцию протеста против Американского Пр-ва, в виду готовящегося убийства Сакко и Ванзетти.

Геце:—Надо торопиться и скорее избавить от издевательств, тюрьмы и расстрелов наших тов-щей в России.

Де Лайт:—Считаем нужным и рекомендуем повсеместный бойкот правительственных заказов Сов. правительства местными рабочими организациями, а также и возбуждение экономической и другого рода борьбы, против правительства в самой России.

Бойто:—Выходит к столу и выкрикивает, что все эти преследования его нисколько не касаются.

Гуссарт:—Не важно какие резолюции мы вынесем, но нам надо обсудить: что делать, что предпринять. Вопрос стоит так: можем ли мы? Но мы должны словом и актом заявить: если ты поднимаешь руку на нас, то мы поднимаем свою в защиту.

Впоследствии была составлена резолюционная комиссия, по 1-му делегату от каждой страны, которая, к сожалению, ничего не сделала, и были вынесены следующие резолюции:

1) Анархисты, и так называемая, "Диктатура Пролетариата".

Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине, 1921 г.—с удовлетворением констатирует, что Анархисты всех стран являются противниками всякой диктатуры. События в России только подтвердили правильность нашего воззрения на диктатуру.

Опираясь на этот опыт, Анархисты заявляют, что в настоящее время они, более чем когда-либо являются врагами диктатуры, как справа, так и слева—как буржуазии, так и пролетариата.

Конгресс единогласно выразил мнение, что в вопросе, который занимает первое место в революционных событиях современной эпохи, Анархисты всех стран не имеют противоречивых взглядов.

2) Протест против убийств Испанских революционеров.

Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине 1921 г., находит необходимым, чтобы анархисты всего света встали на защиту испанских товарищей, которые в настоящее время гибнут под свирепой правительственной реакцией.

Конгресс резко протестует против этих преследований. Кроме того анархическое движение в каждой стране считает себя вправе употребить все, кажущиеся им необходимыми, меры к облегчению наших товарищей в Испании.

3) Протест против преследования Анархистов в России.

Интернациональный Анархический конгресс в Берлине 1921 г., находит необходимым, чтобы Анархисты всего света встали на защиту российских товарищей, которые гибнут под свирепой реакцией большевистского правительства.

Конгресс резко протестует против преследований. Кроме того рабочие всех стран призываются употребить все средства экономической борьбы для освобождения российских товарищей, томящихся в тюрьмах и убиваемых русскими властями.

4) Сакко и Ванзетти.

Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине 1921 г., считает приговорение к смерти двух наших товарищей: Сакко и Ванзетти—попыткой убить двух революционных деятелей, жизнь и деятельность которых является угрозой для капиталистов Америки. Мы выражаем полную симпатию к товарищам, ведущим борьбу за освобождение Сакко и Ванзетти и считаем абсолютно необходимым употребление революционных мер для их освобождения.

4-Й ДЕНЬ КОНГРЕССА.

В 10 ч. 15 м. заседание открывается чтением письма от Э. Малатеста и Фриджерно, в котором они сожалеют, что не могли приехать и прилагают письменный доклад, а также и резолюции недавнего 3-го Конгресса "Л'Юнион Анархика Италиана".

Волгин:—Берет слово о помощи Анархическому движению в России, но после негласной информации, что после обеда будет специальный доклад о положении Анархического движения в России снимает слово.

Переходим к вопросу: Деятельность анархистов в про

фессиональном движении.

Докладчик Бьерклунд:—Во многих странах Анархисты работают в среде профессионального движения, особенно в синдикалистических организациях, ибо внутри централистических профес. союзов трудно работать. Нам нужно создать возможность широкой массовой работы. Результат такой работы уже сказывается на профессиональных союзах Швеции, которые полагают, что они должны захватить производство в свои руки, как антипод захвату его государством, да и политические партии теряют свое влияние на рабочие массы, коль скоро мы, анархисты, вступаем и работаем там. Надо предпочтительно работать в синдикалистическом движении. О том-же: принадлежат ли союзы к Амстердаму, или к Москве—не-зачем особенно затрудняться и часть синдикатов Швеции присоединилась к Амстердаму, а часть—к Москве (Профессиональным Интернационалам).

Голландец:—Амстердамский Интернационал Проф. Союзов был чисто платоническим в смысле разрешения рабочих проблем и даже не мог выставить оппозиции милитаризму. Действительно, старые союзы—централистичны, но о синдикатах тоже не можем сказать, что они—децентралистичны. Наша работа—бороться с централистической тенденцией в синдикатах.

Роккер:—Противление участию Анархистов в синдикальном движении, особенно в Германии—тормоз Социальной Революции. Участие в синдикальном движении и размер нашей работы в нем—вопрос каждой страны и положения движения в стране. В Германии есть полная возможность продуктивной работы в синдикатах, но в "Геверкесчаф Юнион" (тред-юнионы) царит абсолютный централизм, лишающий возможности вести работу там. В зарождении синдикального движения в Германии сыграли не малую роль, так называемые—"локалисты", которые стали в оппозицию социал-демократам и централистической тенденции в рабочих союзах, восприняв максимум революционной программы социал-демократии. Потом, благодаря работе анархистов, движение из синдикалистического стало Анархо-Синдикалистическим. В настоящее время вся пропаганда, печатаная и устная, ведется чисто в анархическом духе; кроме органа "Дер Синдикалист" и массы мелкой литературы по Анархизму, в последнее время было издано: 19.000 экз. новой брошюры П. Кропоткина "Новое Государство", 20.000 экз.—"Поля. Фабрики и Мастерские" и 10.000 экз.—1-го

тома соч. М. Бакунина. Синдикалистические союзы стали революционной экономической формой анархической организации, но не единственной, ибо деятельность Анархистов может вестись и в "Гилд Социализм" и в кооперативах и т. д. Но что касается Германии, то будущность анархического движения лежит в синдикалистическом движении.

Бруно:—Анархисты Испании стоят за организацию—рабочую организацию—федералистическую организацию. Из 3.000.000 рабочих Испании—1.000.000 организованы в синдикаты; и Анархо-синдикальное движение Испании не имеет ничего общего с реакционным Амстердамским Проф. Интернационалом. Свободный коммунизм является основой программы синдикалистов Испании. Вполне согласен с Роккером, что в синдикальном движении громадная будущность Анархо-Коммунизма.

Итом читается приветственная телеграмма из Аргентины от "Коммити Про-Конгресс Реджионал, Аргентина" и предлагается закрыть собрание, при чем легатам негласно сообщилось о том, что в 3 часа будет особое заседание и доклад об анархическом движении в России.

Собрание закрывается в 1 ч. 30 м.

ОСОБОЕ ЗАСЕДАНИЕ—4 Ч. ДНЯ.

Получено сообщение, что докладчик из России, тов. Волин, не может быть на собрании сегодня, а потому решено обсуждать вопрос в порядке дня.

Саучи—(переводчик):—Предлагает обсудить вопрос об Интернациональном Анархическом Бюро, дабы закончить вопрос об организации, жалуюсь, что ведение дел происходит несколько беспорядочно и говоря, что нет смысла убивать много времени на обсуждение деталей тех, или иных действий и т. п.

Де Лайт:—Рекомендует Интернациональное Анархическое Бюро, которое не только было бы информационным учреждением, но и связующим; которое могло бы выбирать и издавать лучшую литературу и, желательно, на интернациональном языке—эсперанто.

Роккер:—Таковое Бюро было уже основано Интернац. Анархич. Конгрессом в Амстердаме, в 1907 г. и туда вошли тов-щи: Малатеста, Шапиро, Торнер. Бюро и я. в сферу его деятельности включалось: инициатива международного действия Анархистов, создание Анархического архива и информационная работа в связи с изданием Бюллетеня. В первой области удалось освободить Жореса из рук турецкого правитель-

ства, напугав султана возбуждением мирового протеста; Архив точно-также собирался: значительное количество материала было собрано и хранится в Англии и будет передан новому Бюро. Благодаря недостатку средств, разбросанности членов Бюро в разных странах, Бюро вскоре прекратило свои функции.

Залкинд:—Не нужно создавать центра из Бюро и не поручать ему ни инициативной, ни исполнительной роли, а только информационную. Да мы и недостаточны для создания эффективного Бюро, но если мы хотим заложить основу Интернационального Анархического Бюро, то ни в коем случае не вручать ему роли подачи сигнала к восстанию или действию. Кроме того у нас есть масса невыясненных вопросов теории и практики: мы до сих пор не уяснили, что лежит в основе будущего строя—индивидуум, или же общество; и этой работой нужно серьезно заняться.

Борутзоу—Италия:—Поддерживает мнение Залкинда и предлагает определить страну.

Гуссарт:—Предлагает издание циркуляра, освещающего об Анархическом движении в различных странах и издание новых работ по анархизму—как функции Интернац. Анархич. Бюро.

Роккер:—Нужно, чтобы весь состав Бюро был в одной стране;—лучшей страной для этого была бы Италия, где движение сильно и где находится Малатеста, который может помочь организации и дальнейшей работе Бюро. (Итальянцы отказываются).

Мейер:—Предлагает, что-бы Анархическая организация, или Федерация каждой страны выбрала специальных секретарей для сношения с Интерн. Анархич. Бюро.

Маврициус:—Рекомендует Германию, где тов. Роккер поможет наладить Бюро. Германская А.—К. Федерация сильна, работает легально, да, кроме того, и работа может вестись дешево. (Роккер и немецкие делегаты отказываются).

Волгин:—Ан.—Ком. Федерация, или организация, должны вести организацией и избирать состав и секретаря Интер. Анарх. Бюро.

Рекомендует Германию, издание Бюлетеня на языке эсперанто, как фактора интернационального единения, не менее одного раза в месяц. Указывает трудности ведения Конгресса, благодаря разноязычию.

В это время, частным образом, делается настойчивое предложение Шведской делегации взяться орга-

низовать Интер. Анар. Бюро в Швеции, ибо Эмма Гольдман, А. Беркман и А. Шапиро могут помочь в этом, так как им волей-неволей, все-равно, придется временно побыть там.

Тов. Бьерклунд соглашается, после чего принимается следующая рекомендация: в случае отказа Швеции,—Германская Федерация запросит Анархические Федерации других стран.

Немецкими делегатами вносится предложение, чтобы только организациям Анархистов (исключая, таким образом, Анархистов-Индивидуалистов) предоставлялось место в органе Интер. Анарх. Бюро; но после нескольких минут горячих прений преобладает мнение: все Анархические течения могут иметь место в органе Интер. Анарх. Бюро.

После рекомендации непрямого присутствия на завтрашнем послеобеденном заседании докладчика из России, собрание закрывается около 7 часов.

5-Й ДЕНЬ КОНГРЕССА, 29-ГО ДЕКАБРЯ.

Собрание открывается чтением приветственной записки от Ан.—Ком. групп Болгарии, около 10 часов, после чего переходит к продолжению дискуссий по вопросу: Деятельность Анархистов в Профессиональном движении.

Де Лайт:—Хотя Амстердамский Проф. Интернационал—реакционен, а Московский (Красный) Проф. Интер.—революционен,—оба не приемлемы для синдикалистов Голландии. Анти-милитаристические тенденции сильны в Голландии. Мы должны бороться за независимость и самостоятельность рабочих организаций от политических партий и вести в них нашу анархическую пропаганду. Синдикализм имеет тенденцию к слишком тесной организации и синдикализм ни в коем случае не является Анархизмом. Идеал Анархии должен быть руководящим началом в рабочих организациях.

Кагн:—Соглашается с Де Лайт: Синдикалистская организация—экономическая организация рабочих, но не Анархическая. Часто слышно от теоретиков Синдикализма: Анархизм сам по себе,—Синдикализм сам по себе, мы уже выяснили тип Анархической организации. (Читает заявления Малатесты и других в подтверждение его взгляда).

Неизвестный—(только-что прибывший один из германских индивидуалистов):—Роккер показал нам только хорошие стороны Синдикализма. Громадные массовые организации не могут быть федералистичны и синдикаты—организации централистические. (Его часто

перебивают немецкие А.-К. и иногда Роккер). Я не вижу разницы между синдикалистами и централистами (трейд-юнионистами) и, действительно, странна мысль, что Анархизм есть Синдикализм и наоборот.

Волгин:—Необходимо двойное рассмотрение вопроса: 1—Сторона идейная, 2—Сторона практическая. Идейно мы против Синдикализма, который стремится заменить Ан.—Ком-изм, или предлагает "переходный период" Синдикализма до Коммунизма. 2—Как в массовых организациях рабочих, мы должны вести работу пропагандического характера идей Ан. Ком-зма во всех профессиональных союзах. В Соед. Штатах две формы профессионального движения: "Ай-Доблю-Доблю", которые веря в организацию по индустриям, стоят в большинстве, на принципах Марксизма (читает выдержку из "Пионер") и реакционная, известная, Американская Федерация Труда. Работа в них может вестись посредством пропагандических групп Ан. Ком., где предоставляется возможность таковых, или-же посредством "Фабрично Заводских Комитетов" на фабриках, на подобие "Шап Стюард Коммити" в Англии. Европейские тов-щи в Соед. Штатах пробуют таковые методы. Форма организаций синдикалистов и профессиональных организаций должна быть Федералистическая. Отсюда следует: 1—Анархической организацией является Федерация Ан. Ком. групп. 2—Кооперация действий между Ан. Ком. организациями и проф. организациями, когда они—по структуре, федералистичны, а по направлению—восприняли Ан. Комм. платформу. 3—Прежде всего, участие Анархистов в Анархических организациях и затем работа массовая в союзах рабочих.

Роккер:—Мне кажется, что мои взгляды misrepresented. В синдикалистическом движении совсем нет тенденции "Синдикализм достаточен сам по себе", а синдикалисты Германии имеют чисто Ан. Комм. платформу, да и самое Ан. Комм. движение из небольшой секции стало движением, именно благодаря Анархо-Синдикалистическому движению. Есть, конечно, в Синдикалистическом движении, ошибки—но разве Анархизм и его лучшие представители не делали ошибок, не заблуждались? Ярким примером служит отношение к войне и диктатуре. Возьмем Испанию, Италию—там тоже Анархизм переплетен с Синдикализмом. Разве своими действиями, посредством духа вы, индивидуалисты, не делаете разлада в социальном единстве? Мы все Анархисты, прежде всего, но для создания

будущего Анархического общества надо много работать и координировать все анархические силы и средства.

(В конце речи Роккера входят три китайских товарища, которые, передав письменный доклад, вскоре уходят).

Маврицус:—Пробует говорить, но вскоре изнемогает нездоровьем и отказывает свое слово.

Саучи:—В Герминии нет разногласий между Синдикалистами и Анархистами. Только индивидуалисты против организованного движения. Разве не было диспутацией, когда Монат требовал лишить слова Организацию на Красном Интернационале? Нам рабочим, для скорейшего освобождения из под ига капиталистов и правительств, необходима совместная работа; а так как в скором времени соберется Синдикалистический Интернационал, то нам нужно непременно принять в нем участие.

Бьерклунд:—Предлагает и читает резолюцию, которая сдается в резолюционную комиссию для обработки и перевода и которая, после нескольких изменений, вышла из под рук переводчика в следующем виде:

Деятельность Анархистов в Профессиональном движении.

Интернациональный Анархический Конгресс утверждает, что земля со всем, что на ней находится, также, как и средства производства, должны принадлежать только трудящемуся населению, и что в дальнейшем производственные организации должны быть совершенно независимы от всякого рода политических организаций. Каждая общественная организация должна состоять единственно из производителей, которые свободно соединяются в разнообразные переплетающиеся между собой союзы, которые держатся в духе федерализма, оставаясь вполне самостоятельными.

В экономической области общественная организация находит свое выражение в рабочих союзах. Конгресс утверждает, что примыкающие к Амстердамскому Интернационалу Профессиональные союзы, как Американская Федерация Труда *)—пропитаны духом реформизма и сотрудничества с господствующим классом.

Красный Профессиональный Интернационал в

*) Американская Федерация Труда вышла из Амстердамского Интернационала, считая его слишком "революционным", что редакция резолюции утратила из виду.

екве, находится под непосредственным влиянием Коммунистического Интернационала, который ищет в Красном Проф. Интернационале опору для завоевания политической власти и для установления новых государств, которые, согласно их натуре, стоят на пути полного освобождения народов.

Конгресс заявляет, что Синдикалистические Проф. Союзы не считаются с предписаниями ни Амстердама, ни Москвы,—не говоря уже о выполнении их. Вполне самостоятельные и независимые, они единственно и исключительно могут выражать желания рабочего люда.

Необходимо, чтобы революционные рабочие организации объединились международно, не считаясь с границами. Конгресс требует от Анархистов, находящихся в синдикалистическом профессиональном движении, по мощь основанию и поддержке революционного Синдикалистического Интернационала, который был бы независим от всякого внешнего влияния.

В дальнейшем Конгресс ставит на вид, что бюрократизм есть зло, которое, по словам Фридриха Энгельса, имеет следствием то, что чиновники из органов и слуг общества превращаются в его господ. Следовательно необходимо стремиться к тому чтобы заведение делами выполнялось специальными служащими и бухгалтерами, которые ни в коем случае не могут быть вождями, но лишь только простыми служащими Профессиональных союзов. Синдикалистическое движение, стоящее на основе федерализма имеет огромное значение для проведения в жизнь Анархизма, так-как оно представляет экономическую основу нового свободного общества. Деятельность анархистов, однако, отнюдь не должна ограничиваться работой только в профессиональных союзах, но, напротив того, распространяться на все поле деятельности революционной борьбы, которая встречается в общественной и духовной жизни людей.

Анархисты принимают живое участие во всех экономических организациях, которые содействуют осуществлению их идеалов; они борются внутри их за распространение своих идей. К этим движениям мы причисляем: гильдейский социализм, "шап-стюард" движение, свободные Советы и т. д.

При всем этом, мы не можем упустить из виду, что все эти движения и организации не являются чисто анархическими, что, напротив того, лишь свободный коммунизм является экономической целью Анархизма. Всюду, во всех организациях, в духе федера-

лизма и анти-бюрократизма должны работать Анархисты.

Мы убеждены, что в революционный период, одно лишь экономическое течение не может излечить всех общественных зол,—но соответственно географическому, экономическому и социальному положению, могут появиться различные экономические формы, а также могут быть применены и всевозможные средства борьбы. Поэтому, Конгресс призывает рабочих, применять все меры борьбы, которые способствовали бы развитию революции в духе Свободы и Независимости.

(Собрание закрывается в 2 ч., и в 5 ч. открывается экстренное заседание только делегатов, на котором дается доклад об Анархическом движении в России).

Делает доклад первым тов. Волин из России, а потом тов. Гейцман из Сибири. (Взгляды их, и оценка событий и роли Анархистов в Революции резко разнились. Их доклады продолжались и обратились в дискуссию; они будут напечатаны позднее).

В 9 ч. вечера закрылось экстренное заседание 5-го дня Конгресса.

6-Й ДЕНЬ КОНГРЕССА.

В 10 ч. заседание открывается чтением доклада из Аргентины, который в общих чертах носит следующий характер:

В Аргентине нет общей организации (Федерации) Анархистов, но делается попытка связать имеющиеся группы в Федерацию; группы находятся все около Буэнос-Айреса и между ними есть уже небольшая связь. Не могли послать делегата, потому-что не было общей организации. Все группы имеют Ан. Комм. состав и работают в рабочих союзах, и даже социал-демократические организации находятся под влиянием анархического элемента. Большая рабочая организация "Обура Генерал" заявила, что ее целью является осуществление Анархического Коммунизма.

С 1902 г. закон о депортации часто прилагался к Ан.-Коммунистам, а с 1910-го—специальный закон, запрещающий пропаганду Ан.-Коммунистических идей, гласил: "Не может быть Анархизма в рабочих организациях, ибо анархисты—безумцы и распространяют заразу". Революция в России вызвала большие разногласия по поводу "Диктатуры Пролетариата", и течение за диктатуру было сильно вначале, но ослабло в последнее время. Есть в Аргентине и "Патриотиче-

ская Лига" вроде фашистов Италии, но пока она бессильна и бездеятельна, но все-таки буржуазия и Лига властвует над страной. Есть, однако, указания, что это не может длиться и надежда, что революция скоро положит конец произволу.

После чтения доклада предлагается снять вопрос: Анархизм и Крестьянство, с очереди и с порядка дня, ввиду невозможности обсуждать его без делегатов из России, Италии и Испании. Затем поднимается вопрос о финансировании Интер Анарх. Бюро.

Волгин:—Этот вопрос не может быть решен Конгрессом, его нужно представить на усмотрение Анархических Федераций различных стран, а потому фонд Бюро должен покрываться добровольными пожертвованиями (принято).

Гуссарт:—Нужно не забыть того, чтобы все организации и издания Анархистов, имели адрес Бюро и присылали бы свои адреса, или дали их теперь.

(Делается заявление, что из Америки прибыл еще один делегат, Г. Н. К.).

Маврициус—(дает вчерашний доклад):—Во Французском рабочем движении есть три направления: 1—Реформистское, которое сотрудничает с буржуазией, 2—Синдикалистическое, в "Кифедерации Дженерал дю Травел", которое заражается бюрократизмом и централизмом и 3—Анархическое, выразителем которого является газета "Ле Либертэйр".

Конгресс в Лионе нашел, что формой организации должна быть федерация групп или союзов, что нельзя создать больших массовых Анархических организаций, что синдикализм не может иметь особой платформы (не может быть сам по себе) и нам, Анархистам, надо работать в синдикатах, чтобы они были под нашим духовным контролем.

Социалисты стремятся установить партию (свою политическую организацию) сверх рабочих союзов; мы же хотим работать внутри их и совместно с ними.

Федералистическая форма Анархической организации, должна быть формой организации и синдикалистов. К этому можно прибавить, что Анархические идеи преобладают во французском синдикализме над социал-государственными, но Анархизм еще не имеет твердой базы в синдикатах, и наша работа—создать таковую.

И Синдикалисты Франции против, как Амстердамского (желтого) Интернационала, так и Московского (Красного).

Читается письмо от анархистов Мадрида, которые

не знали, что будет Конгресс и которые рекомендуют, чтобы все анархисты вошли в синдикаты, ибо федералистическое Синдикальное движение должно быть основной нашей борьбы за экономическое освобождение рабочих.

ПОСЛЕ ОБЕДА.

Мейер:—Делает доклад о Голландии, который имеет особый интерес и будет полностью напечатан позднее.

Г. Н. К.—Америка:—Я опоздал, но все-таки скажу несколько слов о положении дел в Америке. Там нас нет совсем Анархического движения, и все силы незорганизованы. Синдикальное движение проявляется в двух течениях: "Ай-Доблю-Доблю", которое стремится разрушить, работая изнутри и извне, старые проф. союзы Американской Федерации Труда, о рациионности которых всем известно. Есть две партии социалистов: Коммунистическая и Социалистическая, которые желают сформироваться в одну "Воркерс Парти" (Рабочую партию). Анархисты еврейские образуют "Трейд Юнион Анархист Лиг" и работают внутри союзов. Это является развитием "Шап Стюард Мувмент". Но я еще раз говорю, что нет и подобия какой-либо организации Анархистов.

Есть также школа, по образцу школ Феррера, которая преследует чисто воспитательную свободную программу для детей. Хотя есть группы еврейских, испанских и итальянских Анархистов и единичные анархисты, но рабочее движение идет вне анархического влияния.

Волгин:—Чтобы делегаты не впали в заблуждение я должен добавить, что кроме упомянутых тов. К. есть сильная Анар. Комм. организация,—Федерация Анар. Комм. групп С. Штатов и Канады, в которой есть не менее 60 групп от 8 до 10 человек, в среднем, в каждой. Есть группа английская "Фри Сосаети" и украинская группа "Вильна Громада"—все подобные организации.

Федерация (русская) издает уже два года орган "Волна" в 3.000 экз., группа "Фри Сосаети" издает журнал "Фри Сосаети" в 1.000 экз., а раньше издавала, ввиду бесплатного распространения в 5 и 10 тысяч; эта группа пробует создать анархическое движение в Америке, стараясь привлечь к работе отдельных лиц и указывая им необходимость создания групп в каждом городе; украинская группа издает "Вильна Громада" в 3.000 экз. и старается вызвать к жизни

Анархическое движение в среде украинцев. В письменных докладах детально обрисована работа подпольного Анархического движения в Америке и я скажу лишь, что все подпольное движение тесно кооперирует в работе и им руководит не нежелание работы, но невозможность таковой.

Маврициус:—Хотя вопрос, —Анархизм и Крестьянство снят с порядка дня, я все-таки скажу несколько слов по нему: крестьянство Франции враждебно государственному социализму и посредством пропаганды централизма его нельзя поднять, ибо несмотря на мелко-собственническое владение, тенденции к коммунизму еще живы в крестьянстве Франции, да к тому же земельная собственность дробится все более и более. Выработать общее отношение к крестьянству невозможно и Лионский Конгресс определил, что это вопрос каждой отдельной страны. Но мы должны поощрять создание независимых союзов, как в индустриях, так и в крестьянстве, и тогда мы быстрыми шагами пойдем навстречу свободному Анархическому Обществу.

Мейер:—Хотя Маврициус и говорит о децентрализации земельного владения во Франции несомненным фактом является то, что в Америке идет концентрация такового.

Г. К.:—Нет, в Америке происходит также децентрализация земельного владения. Если в начале были огромные "бананза фармс", то теперь в среднем у каждого фермера не более 10, 20 и 50 акров земли. Закладывание фарм обычное явление, но это не значит концентрация земельного владения. Многие фермеры для самозащиты создают свои организации и в Дакота насчитывается до 2.000.000 членов. Также не велики и фруктовые фармы на западе. Нет, правильнее будет сказать, что децентрализация в полном ходу.

Рокнер:—Нет надобности дискутировать этот вопрос, ибо, возможно, Мейер тоже прав, говоря о концентрации капитала земельного, да и есть еще дела.

Читается открытка от австрийских делегатов, что не могли приехать.

Маврициус:—Говорит, что Лионский Конгресс рекомендовал интернациональный язык для Интер. Анарх. Конгресса.

Саучи:—Нельзя же поставить этого в обязательство, но нужно порекомендовать чтобы его учили.

Рокнер:—Те же рекомендации сделал и Интер. Анарх. Конгресс 1907 г., но кто же из нас знает его.

Кроме того, ведь есть два интернациональных языка: Эсперанто и Идо, и второй кажется богаче и лучше, —который же мы будем учить.

Плевиер:—Искусственные языки обычно не прививаются и не обладают таким богатством выражений, как натуральные и потому было бы лучше оставить мысль об интернациональном языке.

Каспер:—Необходимо нужен общий язык и таковым всего удобнее будет—Эсперанто.

Гостзе:—Я не вижу большой разницы между Идо и Эсперанто, и нахожу, что Эсперанте, с которым многие уже ознакомились, более подходящ для общего языка.

(Общие разговоры в течение трех минут).

Де Лайт:—Дает доклад об Интер. Антимилитаристическом Бюро и предлагает резолюцию, которая была принята и гласит:

Анархизм и Антимилитаризм.

Интернациональный Анархический Конгресс в Берлине, 1921 г., обращает внимание рабочих на отчаянные попытки буржуазных правительств, которые стремятся к тому, чтобы пробудить ложные надежды на, якобы, разоружение и относительно разумного порядка в международных отношениях в экономике и политике.

В то время, как представители капиталистических государств совещаются в Вашингтоне о мировом разоружении, люди науки, химии и др.—вырабатывают в их лабораториях новые ужасные средства истребления.

Это создает не только беспокойства за отношения между политическими державами, но и с каждым днем увеличивает различие между цветными расами и их белыми эксплуататорами.

Буржуазия каждой страны ревностно домогается изыскать необходимые средства для подавления революционного движения в собственной стране, а также и средства для собственного ограждения от соседних стран, если откуда либо чувствуется угроза. Все это указывает на то, что в настоящее время мы переживаем период реакции. Опасности, угрожающие миру, являются не только следствием милитаристической деятельности верховодов буржуазного общественного порядка, но также зарождаются и на почве пассивности широких народных масс.

Конгресс апеллирует ко всем тов-щам, начать интернациональную анти-милитаристическую пропаганду и энергично действовать в духе резолюции, принятой на

Интернациональном Анти-милитаристическом Конгрессе. Нужно употребить все средства при возникновении войны. Отказ от военной службы, приостановка производства военных материалов, всеобщая забастовка и т. д.

В дальнейшем Конгресс выражает свое сочувствие товарищам всех стран, которые отказались от военной службы, точно также, как всем тем кто старался разрушить каким либо путем дисциплину в войске.

Как следствие мировой войны и существенной методы буржуазной диктатуры, которая употреблялась в революции с 1917 г.,—пролетарские массы упоены духом милитаризма. В согласии со словами Карла Марк

са, что внешней революции должен предшествовать внутренний духовный переворот, Конгресс призывает рабочих произвести не только революцию во внешних отношениях, но особенно революцию в умах.

* * *

После этой резолюции, т. Роккер, сказал короткую заключительную речь, в которой призывал к работе и единению, не только на словах, но и на деле.

(Она будет помещена полностью позднее).

И Конгресс, при пении революционных песен и криках: "Да здравствует Анархия" был официально закончен.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

Наши Разногласия.

(По поводу статьи Независимова.)

В № 24-м "Волны", в отделе "Свободная Трибуна", была напечатана за подписью Независимова статья о Революционном синдикализме—в ответ на статью тов. Автономова "Кое-что о синдикализме", помещенную в № 22-м того же органа.

Автор статьи о Революционном синдикализме—т. Независимов, начинает свою критику с указания на то, что анархисты, мол, работали в Первом Интернационале, являясь сторонниками левого крыла этого Международного Общества. Но действительно-ли "анархисты не находили никогда ничего противного в принципах тех союзов, которые составляли левое крыло Международного Союза", как того хочется т. Независимову? Сам не давая себе разъяснения, т. Независимов в одном месте своей статьи говорит так: "До тех пор, пока анархисты принимали деятельное участие в синдикатах, замечался дивный рост этого движения; с тех же пор, как анархисты стали относиться отрицательно к синдикатам, синдикаты стали заметно чахнуть и подпадать под опеку лидеров-политиков". Но почему это произошло так? Почему эти последние, т. е. синдикаты, подпали "под опеку лидеров-политиков"? Задумался ли т. Независимов над

этим вопросом?

Остановимся немного подробнее на этих вопросах.

Мы знаем, что современные рабочие организации (разного рода профессиональные союзы и синдикаты), в своем стремлении к улучшению экономического положения рабочих, ограничиваются, с одной стороны, постоянным вербовкой членов, а, с другой,—стремлением к борьбе за повседневные или временные интересы и нужды рабочего класса. В отличие от профессиональных союзов, стремящихся только к мелким улучшениям, синдикаты, правда, имеют в виду также и конечную цель—уничтожение капиталистической системы,—и синдикалисты, поэтому, называют себя революционными. Но сущность дела от этого, видно, не изменяется, ибо "революционные" синдикаты или анархо-синдикалисты в действительности стремятся к борьбе за мелкие улучшения в рамках существующего капиталистического строя, а об уничтожении последнего только говорят и мечтают. И вокруг этих двух полюсов борьбы вращается вся деятельность существующих ныне профессиональных и синдикалистских организаций.

Таким организациям, основанным на прин

ции борьбы за мелкие улучшения и постоянной вербовки членов, анархисты-коммунисты всегда противопоставляли другой, новый тип организации—рабочей организации, основанной на основных принципах нашей теории, на принципах борьбы против капитализма и власти. Такая анархическая организация отличается от современных синдикалистских организаций, основанных на принципах централизма и дисциплины, не только своей формой, что, само собою понятно, но также и своей основой, и вместо понятного стремления к увеличению количественного состава членов, анархическая организация обращает самое серьезное внимание на качественное развитие ее членов. И чем больше таких чисто анархических организаций, тем лучше и, главное, целесообразнее будет направлена за достижение нашего конечного идеала—анархического коммунизма.

Анархисты, работая в синдикатах, не разделяли мнения синдикалистов, разделявших свою программу на минимум и максимум. У анархистов нет и не может быть программы—минимум. И в следствие этого они и вышли из синдикатов.

Предвидя кампанию, поднятую некоторыми политиками—сторонниками К. Маркса—в Первом Интернационале, анархисты вышли из последнего, и, во главе с М. Бакуниным образовали свою самостоятельную анархическую организацию. Таким образом была организована Юрская Федерация; были также секции в Италии, в Испании, Бельгии и др. странах.

По мнению т. Независимова выходит, что анархизм и революционный синдикализм "в сущности есть одно и то же". Но задумаемся ли когда наш почтенный критик над тем, есть ли какаянибудь разница между этими двумя течениями? Неужели между ними нет разницы? Неужели они совпадают и во всем сходятся? Посмотрим.

Для большей ясности поясним здесь вкратце, что такое анархизм и что такое синдикализм. Это поможет нам разобраться в нашем спорном вопросе.

Анархизм есть учение о свободном общежитии людей. Отрицая все принудительные фор-

мы государства, как и всякие проявления власти вообще, анархизм стремится к созданию или организации свободных союзов, основанных на вольном соглашении людей. Вольное же соглашение людей может быть достигнуто только при условии независимости и личной инициативы самих людей, в данном случае, членов организации. Ясно, поэтому, что, отрицая принцип принудительности, анархисты признают принцип свободного союза, свободной организации. И отсюда также видно, что стремление к всестороннему развитию человеческой личности приводит нас, анархо-коммунистов, к признанию наиболее полной, свободной и децентралистической организации людей.

Что-же такое синдикализм? Синдикализм—это стремление революционно настроенных рабочих, разочаровавшихся в целесообразности чисто реформистской или парламентской борьбы, к образованию профессиональных синдикатов (или союзов) с целью таким путем подготовить рабочих к свержению капиталистического строя. Синдикалистская форма организации основана на принципе принудительности, повиновения и дисциплины. Синдикалисты верят, что их организации—это "ячейки будущего общества". Но каким образом это "будущее общество" сложится, каким образом его достичь: посредством ли революции или реформ?—на эти вопросы синдикалисты отвечают разное. Одни верят в насильственную социальную революцию, другие—только в экономическую революцию, третьи—в уничтожение капитализма естественным путем и т. д. И "революционные" синдикалисты или анархо-синдикалисты не замечают того, что у них нет определенной выработанной теории, и что вся их практическая программа сводится всецело к борьбе за мелкие повседневные улучшения.

В какой же плоскости находится анархизм по отношению к синдикализму? Родственные ли они течения, или нет?

Из сказанного нами выше следует заключить, что основные принципы теории анархизма не восприняты синдикализмом. Они не обнаруживаются ни в синдикалистской форме организации, ни в его задачах и ни в методах

борьбы. Синдикализм является движением с особыми, присущими ему чертами, резко отличающимися от анархизма. И думать, по этому, что "революционный синдикализм и анархизм—одно и то же",—значит иметь неправильный, ложный взгляд на синдикалистское движение вообще. Нет, т. Независимов, синдикализм не является движением, родственным анархизму!

Казалось бы, что вопрос об отношении анархизма к синдикализму, вследствие этого и при рассмотрении его с принципиальной стороны, не должен был вызвать столь резких разногласий среди анархистов. Однако, решение этого вопроса не сходно. "Практические выгоды обязывают нас идти в синдикаты",—говорят анархо-синдикалисты, сдвигая тем самым решение вопроса с принципиальной почвы на практическую. Но каковы же эти выгоды, в чем они заключаются, есть-ли основание на них рассчитывать? Практические выгоды, вытекающие, якобы, из непосредственного участия рабочих в синдикатах, покоятся на двух главных предположениях:

Первое—это уверенность в том, что синдикалистское движение может, под влиянием участвующих в нем анархистов, изменить свое направление по желательному им (анархистам) пути, пересоздать, так сказать, свою сущность. И рабочие находящиеся в синдикатах, в процессе борьбы будут приближаться по своим стремлениям и по своей тактике к анархизму. "Перерождение" синдикализма в анархизм может совершиться медленно, постепенно или быстро, в зависимости от различных условий. Так, обыкновенно, предполагают анархо-синдикалисты.

Но нам кажется, что уверенность в подобном "перерождении синдикализма" может быть основана на одних лишь утопических предположениях, на слепой вере, ибо, как было уже сказано выше, деятельность синдикатов неизбежно замыкается в рамках повседневной профессиональной борьбы. Конечная же цель, поставленная синдикатами, являясь лишь программой—максимум, не может изменить сущности синдикалистского движения, развиваю-

щегося в рамках борьбы за временные интересы. Временные интересы, являясь реальной целью, овладевают, таким образом, движением и неизбежно устанавливают железную зависимость между формой организации и тактикой, которая, в свою очередь, удерживает изменение цели! Создается взаимная непоколебимая зависимость между борьбой за достижение временных интересов и тактикой достижения этой цели. Синдикализм, как движение, воспринимает известную форму организации и тактику лишь потому, что как та, так и другая вполне отвечают его интересам, выгодны ему и ни в коем случае не противоречат его задачам. Это не игра случая, не произвольный выбор, но сознательное приспособление формы движения к цели. Но если медленная эволюция синдикализма не направляется к полному уничтожению эксплуатации и рабства и к установлению свободного анархического строя, то тем более нет оснований предположить, чтобы синдикалистское движение, покинув вдруг свой прежний путь, приступило к экспроприации экспроприаторов. Обыкновенные условия, управляемые новым профессионализмом, не допускают его пересоздания ни в том, ни в другом случае.

Вот почему, когда перед нами всплывает множество фактов, указывающих на эволюцию синдикализма в противоположную сторону, т. е. в сторону реформизма и постепенности, которой подверглись, например, участвующие во французских синдикатах и в американских индустриальных союзах анархисты,—мы, анархо-коммунисты, рассматриваем такую эволюцию не как случайное явление, зависящее от индивидуальных, а как явление неизбежное, ибо логика, объективная логика вещей сильнее желаний отдельных лиц.

Эволюция синдикализма в сторону анархизма не совершается и не может совершиться. И не синдикализм, как движение, воспринимает идеи нашего учения—идеи анархизма, а, наоборот, анархизм незаметно впитывает в себя идеи синдикализма.

Второе предположение, на которое часто указывают анархо-синдикалисты, основано на предположении, что грядущая социальная ре-

волюция примет анархическое направление вследствие оказанного анархистами влияния на рабочие массы в период работы анархистов в синдикатах. Случайные вспышки на почве борьбы за временные интересы стихийно при ведут рабочих к революции, которая будет настолько глубока, что не ограничится мелкими изменениями или реформами, как это было до сих пор, а поколыхнет самую основу современной эксплуатации — капиталистическую систему. Она пойдет вплотную к частной собственности и направит на нее свои разрушительные удары.

И вот в такой момент, думают анархо-синдикалисты, скажется вся наша долгая работа в синдикатах. Рабочие, связанные с нами узамы совместной деятельности на протяжении многих лет, двинутся по пути, указанному анархистами. И в такого рода предположении анархо-синдикалисты пытаются найти смысл и оправдание своему непосредственному участию в синдикатах. Но достаточно-ли у них для этого основания и доказательств? Посмотрим.

Допустим, что наша революция грянула вдруг, неожиданно и сильным порывом развернет свою могучую силу. Возникают вопросы: по какому пути пойдет революция? в какие формы она выльется? и каковы будут ее результаты? Будет ли ее содержанием осуществление анархического коммунизма, или нет?

Отвечая утвердительно на последний вопрос, анархо-синдикалисты упускают из виду одно очень важное обстоятельство. Они забывают, что синдикалисты, которые, по их мнению, должны стать во главе революции, имеют смешанный, разношерстный состав. Наряду с сознательным анархическим меньшинством, в них объединены такие слои рабочего класса, которые враждебно относятся к анархизму и анархистам и сознательно или бессознательно примыкают к другим социальным течениям. И за отсутствием определенной теории или цели, — и синдикализм есть движение без определенной конечной цели, — массы в разгар революции, могут примкнуть к любому движению, которое может преследовать любой идеал, но только не анархический.

И если уже предугадывать кому может принадлежать будущее при отсутствии самостоятельного анархического движения, при отсутствии ясной, определенной цели, то скорее всего на него могут рассчитывать объединенные синдикалисты и государственные социалисты, нежели свободные, безгосударственные коммунисты-анархисты. Ибо "ячейки", в которых воспитываются синдикалистские "массы", являются отражением не коммунистического анархизма, а государственного социализма.

Революция, таким образом будет осуществлять не те формы общежития, которые желательны отдельным лицам или группам, а те, которые вошли в плоть и кровь строителей будущего. Система централистической организации, на которой построен синдикализм, и без которой он был бы обречен на смерть, не может воспитать и создать борцов за анархический коммунизм. Только в свободной анархической организации зреет разрушительная и творческая сила.

В одном месте своей статьи т. Независимов, цитируя Оргиани, который говорит, на пример, что "синдикаты организуют рабочих не в политическую партию, а в класс", — спрашивает: Что-же тут есть анти-анархического в этой цитате? По мнению т. Независимова выходит, что в этой цитате нет ничего анти-анархического. Но так-ли это в действительности? Действительно-ли анархисты признают классовую борьбу? Нет, т. Независимов, анархисты не признают классовой борьбы! Вот что говорит, например, П. Кропоткин о классовой борьбе: "Анархисты всегда проводили ту мысль, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих! Никто из нас не отрицает того, что интересы эксплуатируемых противоположны интересам эксплуататоров. Но выражение "классовая борьба" не верно (курсив наш, Л. Л.) Ибо рабочие и крестьяне стремятся не к освобождению себя, как класса, но всего человечества! Классовая борьба породила уже четыре класса и рабочую нищету, как пятый! Освобождение одного класса приводит к закрепощению другого класса. Вот почему мы, анархисты, не признаем классовой борьбы".

(Из письма П. Кропоткина к одному тов-щу).

В другом месте своей статьи т. Независимов говорит так: "Анархизм есть учение о свободе, а свобода не чужда синдикализму". Что вы этим хотели показать? Неужели то, что синдикализм есть свободололюбивое учение? Но в таком случае и социализму не чужда свобода, и либерализму также не чужда свобода, а большевизму она наверное не чужда! То неужели анархисты должны объединиться со всеми сторонниками всех этих течений только потому, что им всем не чужда свобода?! Что же тогда получится? Поистине, великолепная синдикалистская картина! Кажется пора понять, что свобода—понятие растяжимое и относительное: что для социалиста и синдикалиста свобода,—то для анархиста—цепи!

Как мы можем подойти к рабочим? Можно ли соприкасаться с массами на фабриках, на улицах и т. д.? Т. Независимов отвечает отрицательно. "Да и в самом деле, говорит он,—как это, встретив прохожего рабочего на улице, ни с сего, ни с того, давай ему проповедывать анархизм тогда—когда он может быть религиозен еще до мозга костей... Нет, тут ясно, что проповедникам анархизма необходимо идти туда, в ту среду, где их могут выслушать и настроены слушать, в то поле, где посеянное семя анархии, может взойти и дать обильные плоды, и таким полем и являются как раз синдикаты".

Но сам не замечая своего противоречия, т. Независимов в другом месте говорит так: "Синдикализм не спрашивает у рабочих их политические и религиозные убеждения..." Значит в синдикаты принимаются все: и встречный, и поперечный, религиозный и анти-религиозный, политикан и не политикан... Но почему анархисты не могут растолковать прохожему рабочему его религиозные заблуждения? Неужели это можно сделать, только находясь в синдикатах? Во всех странах есть масса рабочих, и только часть из них находится в организациях,—то неужели следует всех остальных рабочих оставить и ждать пока они все сделаются членами синдикатов? Но мы прекрасно знаем, что масса находится не в

синдикатах, не в организациях, а именно вне их—на фабриках, заводах, в шахтах, в мастерских и на улице. И для того, чтобы соприкасаться с массой, для того, чтобы быть вместе с ней, вовсе нет необходимости войти в беспартийные синдикаты, в которых этой массы нет, а нужно быть с рабочими в тех местах, где мы только с ними встречаемся: на улице, на фабрике и т. д.

Т. Независимов хочет непременно сказать, что анти-синдикалистское движение слабо. Но как сильно анархо-синдикалистское движение? Неужели у т. Нез. есть специальная мерка для измерения слабости и силы движения? Сомневаемся, ибо в противном случае он не спрашивал бы, примыкает-ли федерация, издающая "Волну", к синдикалистскому течению или к анархо-коммунистическому.

В заключение остановимся еще на некоторых сторонах нашего несогласия с анархо-синдикалистами.

Надо заметить, что не только между синдикализмом и анархизмом есть разница, как в теоретической, так и в практической части их программы, но есть также глубокая, существенная разница между анархо-синдикалистами, хотя и наиболее близким к нам течением, и анархо-коммунизмом. Мы расходимся с анархо-синдикалистами в вопросе о том, что "должно стать на другой день после революции?" С чего мы должны начать свою новую жизнь? Анархо-синдикалисты отвечают, что мы должны начать с установления правильного функционирования производства. Когда производство будет хорошо и правильно налажено, новая жизнь потечет для народа благоприятным образом. Мы же, анархо-коммунисты, говорим, что революция должна начинаться не с установления производства, а с распределения продуктов! Мы должны дать народу возможность впервые насытиться, быть одетыми и жить хорошей человеческой жизнью! Нашей главной задачей является—захват всех продуктов, домов, зданий для пользы всех, для блага всего народа. В то время, как борьба анархо-синдикалистов есть борьба чисто экономической, мы, анархо-коммунисты, ведем борьбу именно

социально политическую! Мы знаем, что только с уничтожением государства, с уничтожением всякой власти вообще, установится свободное общежитие людей. Революция в Италии подтверждает эту нашу мысль. Почему не увенчалась успехом борьба революционных анархо-синдикалистов в Италии в 1920 году? Помимо того, что синдикаты в Италии, в которых находятся рабочие с различными взглядами и убеждениями, не знали, чего они хотят, куда они стремятся, анархо-синдикалисты направили свою борьбу только в одну сторону—в экономическую сторону: захватили фабрики, заводы и объявили себя хозяевами. А о социально-политической борьбе забыли! Они прогнали своих хозяев-капиталистов, но оставили в покое власть—слугу капитализма! И воспользовавшись таким положением, правительство Италии направило свои удары на рабочее движение и приостановило его на много лет.

Анархизм-коммунизм ведет свою борьбу на двух фронтах одновременно: против власти—капитала и против власти государства, ибо, как говорит П. Кропоткин—("Х. и В." стр.31) "нельзя разрушить теперешнюю форму обществственности, не введя вместе с тем и нового строя свободной политической жизни".

Анархо-синдикалисты, увлекаясь созданными заманчивыми предположениями о своей работе в синдикатах, не замечают того, что вопрос об отношении анархизма к синдикализму не может решаться лишь в области практики. Он находится в тесной, коренной связи с основными принципами анархизма; от его решения зависит участь самостоятельного анархического движения. В отличие от других теорий или учений, анархизм тем и отличается, что он является течением непримиримым и цельным. Он допускает лишь те формы организации и те методы борьбы, которые вытекают из его сущности и ведут к осуществлению его идеала. И, поэтому, наша работа лишь тогда достигнет расцвета и развития, когда она развернется вширь и глубь и когда участвующие в ней личности смогут исчерпать все имеющиеся в них духовные и материальные силы. Вызвать такую самодеятельность в личности

возможно только при устранении всех принудительных средств, при полной свободе. И в такой организации, где нет гнета и подчинения, где отсутствует рабская боязнь и где сама работа является результатом свободного сознания, хранится богатый источник силы и жизни.

Такую воспитательную роль может выполнить лишь свободная анархическая организация. Всякая другая форма объединения рабочих, опирающаяся на принципах централизма и подчинения, создает дисциплинированную толпу привыкшую действовать по указанию своих руководителей. А это последние всегда стремятся к тому, чтобы воспитывать рабов и господ, подчиненных и властителей. Ибо необходимо всегда помнить, что не власть создала человека, а, наоборот: человек создал власть.

Анархическое движение, ставящее себе целью—уничтожение всех форм и основ власти, должно понеобходимости стремиться к пересозданию и воспитанию массы в духе свободной и самотворческой деятельности. А такое воспитание рабочие могут получить не в синдикалистской организации, основанной на централизме и подчинении, а именно в безвластной, анархической организации: только в ней одной возможно иметь и формировать силы для будущей анархической революции, которая принесет освобождение не одному только рабочему классу, а всему человечеству. И от судьбы такой анархической организации зависит судьба всего анархического движения.

Л. Липоткин.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Печатаемые из "Х. и В." статьи „К характеристике нашей тактики“, и также "Анархическая Революция"—Ж. Барета, из-за недостатка места в журнале, временно прериваются.

Опечатка в 26-м номере.

В статье тов. Волина "Письма о пережитом", была пропущена строка: "...коммунизм" ничего кроме тяжкого порабощения..." (стр. 17-я, вторая колонна, 10 строка снизу).

О Т Ч Е Т Ы:

ОТЧЕТ РОЧЕСТЕР. РАЙОНА С МЕСЯЦА
ФЕВРАЛЯ 1921 по 1-го ЯНВАРЯ 1922 г.

ПРИХОД:

Выручено за Ж. В—ну	— — — — 71.50
За литературу	— — — — 59.31
Фонд Ж. В—ны собрано	— — — — 51.00
Районный фонд собрано	— — — — 29.90
На делегатов собрано	— — — — 38.75
На лектора раз'ездного	— — — — 32.00
По подпис. листам на Т. С-го	77.90
Выслано на издание В. Р.	— — — — 16.00
Тов. На—ный передал	— — — — 19.00
Для тов. Не—ка собрано	— — — — 3.50
Взаимообразно взято	— — — — 14.20
Итого	— — — — 413.06

РАСХОД:

Высл. в Фед. за Ж. В. и литер.	131.81
В фонд Ж. В—ы выслано	— — — — 34.00
На изд. Хл. и Воля на укр. яз.	17.00
Выдано делегатам	— — — — 52.95
" лектору	— — — — 26.00
" в федер. в фонд раз'ед. лект.	6.00
На издание В. Г—ды	— — — — 16.00
Для тов. Неч—рука	— — — — 3.50
Почтовые расходы	— — — — 17.64
Залог в Экспрес Ко.	— — — — 10.00
Через т. Нагор—го пер. у Ф.	19.00

Итого	— — — — 332.90
Общий приход	— — — — 413.06
Общий расход	— — — — 332.90
Остачи	— — — — 80.16

Из них принадл. по подпис. лнст. 77.90
В районный фонд — — — — 2.26
Дефицит в кассе по 1 Января — — — — 14.20
Контрольная Коммисия П. Л. Кон. К. Я: 3:

ОТЧЕТ КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ КНИГИ
УМ. О—ВО И АН—ИЯ.

ПРИХОД:

Группа Ел—бет	— — — — 100.00
Г—на Га—сон	— — — — 50.00
Г—на Ну—ка №1-й	— — — — 50.00
" " №2-й	— — — — 99.34
От литературы	— — — — 67.65
Взаимообразно от т. Л—к	— — — — 50.00

Добр. пожерт. от Ав—ва	— — — — 10.00
Фереративных	— — — — 300.00
Итого	— — — — 726.99

Выручено от продажи метала	— — — — 86.40
Всего	— — — — 813.39

РАСХОД по изданию в количестве 3000 экз.

Бумага для печати	— — — — 222.00
Печать	— — — — 108.00
Уставка в ряма	— — — — 30.00
Фальцовка	— — — — 36.00
Перевозка	— — — — 13.00
Бумага для обложек мягких	— — — — 21.00
Переплет 500 книг по 18 ц.	— — — — 90.00
" 1000 по 16 ц.	— — — — 160.00
1444 без переплета (обложки)	41.20
Кат	— — — — 4.00
Ящик для упаковки	— — — — 2.76
Выдано Б—му	— — — — 3.00

Итого	— — — — 730.96
И так приходу	— — — — 813.93
Расход	— — — — 730.96

Остаток	— — — — 82.43
Эта сумма находится: у Бер—го	— — — — 34.40
Втов. Б—ка	— — — — 15.00
" Л—ка	— — — — 16.04
" М—ра	— — — — 16.99
Долг тов. Л—ку не возвращен в сумме	50.00

Розсылка книг в провинции:

В Д—т в переплете	300 без пер.	325
В Кл—нд	"	175
В Фи—тд	"	200
Р—ер	"	103
В К—т	"	200
В Б—ре	"	75
Н—И.	"	140
Н—К	"	138
Е—т	"	140
В Н—р тов. К—ра	"	25
Возвр. тов. за потерю его книги	"	1

В Фед—ции	— — — — 375
Итого в переплете	— — — — 1513 экз.
без	— — — — 1431 экз.
Всего	— — — — 2944 экз.

56 книг выбыло при печати, которые были испорчены. —Рев. Ком. Л—к, Р—ка, М—р

Шестимесячный отчет гор. Д-та.
От 1-го июля по 1-го января 1921 г.
Приход за июль.
Переходной суммы с июня— 9.33
За ж. "В" прод. гр-ми — 9.30
" " "К. А." — 3.45
За разные ММ ж. "В" 6.60
Из Интер. фон. за раз. литер...15.90
За Кн. Эльц., Анар. 7.00
" " " (без пер.)..... 3.75
За разную литер. 1.38
Прод. через магаз. М. Б. 1.85
Пол. из Алб. за ж. "В" 2.00
За Кн. Ум. Об. и в Каф. 2.75

Итого прихода 53.31

Приход за август.
Переход суммы с июля .. 34.51
От пер. гр-ы за ж. "В" ММ
18 и 19 1.95
" " " У. Об. и Ан. .. 3.00
От 2-й гр-ы за разную лит. 6.55
За ж. "В" 1.50
" " " № 16-й со скидкой- 1.79
От 3-й гр-ы за ж. "В" ММ
16—18 2.85
За Кн. У. Об. и Ан..... 1.50

Итого пр. 53.65

Приход за сентябрь.
Переход сум. с августа .. 45.59
С Ма-сон за ж. "В" ММ 18-19-4.50
С Ростер за Своб. Об.74
С Инт. Фод. за лит. и ж. "В"-7.00
От 3-й гр-ы за Кн. и ж. "В"
№ 20 8.25
" 1-й гр-ы за раз. лит. .. 9.80
" " " за ж. "В" № 18 и 19- .75
От 2-й гр-ы за У. Об. 2.75

Итого прихода 79.38

Приход за октябрь.
Переход сум-ы с сентября. 66.39
От 3-й гр. за ж. "В" ММ

20-21 15.75
Получ. с Инт. Фодс. за ж.
"В" 2.25
С Се-л Ваш. за раз. лит. .. 33.50
" " за ж. "В" ММ 16,
17, 19 и 20 11.85
От 2-й гр. за раз. лит. .. 2.40
" " за ж. "В" № 21 и
Св. Общ. № 1-4 1.50
От тов. Б. за ж. "В" № 16-й .45
Полл. от С. Пи-г за лит. 110.45
Из Сан. Фр. за лит. 10.00
Прод. в Д. ж. "В" № 21-й 1.20

Месячный приход 255.74

Приход за ноябрь.
Переход. сум. с октября. 166.90
От 3-й гр. за лит. 8.00
" за ж. "В" за раз нем. 5.75
" за Св. Об. ММ 1-430
От 1-й гр. за ж. "В" № 22,
К. А. 5.35
С Инт. Фодс за ж. "В" и
за раз. лит. 3.10
Алб-н. за ж. "В" ММ 21-22 2.40
От 2-й гр. за ж. "В" и Св.
Общ. № 3-й 4.05
" " за раз. литер. 4.52
От 1-й гр. за брош. На. раб.- 30
Получ. от П-с. Сою. за стар.
литер. 20.00

Месячный приход . 220.67

Приход за декабрь.
Переход. сум. с ноября.. 162.20
Получ. с Алб-н. за У. Общ. и
Анар (Эльц.) 1.50
От 3-й гр. за ж. "В" ММ 23
и 24 4.80
От 2-й гр. за ж. "В" ММ 23 и
24-й 10.35
От 4-й гр за ж. "В" № 24 1.65

Месячный приход 180.50

Шести месячный расход гор. Д-та
от 1-го июля по 1-го января 1921
года.

Расход за июль.

Выд. Ш. за перес лит. . 11.80
" " К.- кн. У. Об. и арн. 15.00
" " К-у за пер. литер. .. 2.00

Месячный расход 28.80

Расход за август.

Выд. Ш-у за достав. литер. 8.06

Расход за сентябрь.

Почт. расходы секр.74
Выд. тов. Ку. за эксп. 3.25
" " "В" за пер. литер. 9.00

Итого 12.99

Расход за октябрь.

Выд. тов. Д. за эксп. ... 5.70
" " "В" за пер. литер. . 4.00
За упак. литер.90

Итого 10.60

Расход за ноябрь.

Выд. на пер. ж. "В" тов. Д. 3.39
" " пер. литер. " " 6.85
Расход на распр. литер.80
Выдано на зап. жир. для вед.
литер. 2.00

Итого 13.04

Расход за декабрь.

Уплоч. за достав. литер. .. 2.47
Выд. делег. на жел дор. бил. 66.47

Итого 68.47

Шести-месячного приходу .. 843.25

Шести-месячного расходу .. 142.01

Остаток 701.24

Выслано за шесть месяцев
за ж. "В" 128.05
Остаток на 1-го января 573.19
Ревиз. Комиссия Н. К-у. М. К-р.

ВОЛНА

Добровольный фонд ж. „В“.	
За октябрь—	
3-й гр. на ж. „В“	3.75
От тов. П.	1.55
За ноябрь—	
По чековой книжке ж. „В“ ..	1.75
От 2-й гр-ы на ж. „В“ ..	5.00
За декабрь—	
От 2-й гр-ы на ж. „В“ ..	2.00
От 3-й гр-ы	4.00
Итого за три месяца ..	18.05

Девяти-месячный отчет Нуарнской группы от 1-го мая по 1-го февраля, 1922 года.

Приход.

Приход с вечеринок и прочих предприятий	149.07
Взято взаимнообразно от тов. ..	80.70
Добровольные взносы	17.25
Поступило от буф. при клубе ..	30.26
От автомобильной школы ..	15.00
Добровольных пожертвований ..	9.00
От митинга	2.00
Итого	303.88

Расход.

Уплачено за помещение от 1-го мая по 1-го февраля.....	133.00
Перевоз вещей и другие охз. расходы	5.27
Расходы по устройству лекций, митингов и пр.	31.30
За проезды в Нью-Йорк ...	12.00

Выдано тов. Т-ек.	2.30
Пожертв. на „Амер. Изв“ ..	25.00
Проезды делегатов	6.70
Делегату на 4-й съезд	22.45
Дефицит по балу	9.60
Возвращено тов. П-ку	25.00
Выслано в пом. нуждающимся тов. А-м.	25.00
Итого	297.62
Приход	303.88
Расход	297.62
В кассе	6.26

П. Р. Чер.

Отчет Ред. Кол. от 1-го по 28-е февраля 1922 г.

Приход:

Дет-т гр. 1. за „В“	1.65
„ „ „ добр. пож.	8.00
Тов. Г. То-в	3.00
Фр-м за „В“	1.50
Ун-л за „В“ и литер.....	46.30
Гар-д за „В“	7.50
Шен-р за „В“	10.65
Дет-т добр. пож.	3.05
Дет-т за „В“	31.95
Ин-л Ф-с за „В“	3.00
Рр-т за „В“	8.55
Н. И. за „В“	13.90
Шен-р за литер.	19.15
Гар-д агит. фонд	10.00
Итого	168.20

Пом-щъ Анарх.

От тов. Г. То-в	10.00
Ну-к	25.00
Гар-д С.Р.Р.и Кр.	24.00
„ „ Ж. Об-во	6.00
Ф. С. К.	25.00
Итого	90.00
За литер. „В“ и аг. ф-х ..	168.20
Пом. Анар.	90.00
В кассе до 1-го февр.....	340.02
Итого	598.22

Расход:

Печат. и бум. 26 ном. ..	140.00
Машины	40.00
Наборщик	65.00
Пересыл. литер. и „В“	25.40
Пис. принад.	1.20
За литер.	2.50
Высл. в Рос. пом. анр... ..	10.00
Высл. в Герм. „ „	91.00
За литер. „Фри-м“	14.35
Взаимнообразно „В. Г.“	75.00
Итого	464.45
Приход	598.22
Расход	464.45
В кассе на 1-е марта ...	133.77

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Тов.! наш орган, почти с самого своего появления на свет, страдал от недостатка интеллектуальных сил. Теперь же этот недостаток, к великой радости, удалось преодолеть, и преодолеть так значительно и прекрасно, что оказалась возможность выпускать журнал в увеличенном размере (48 стр). Но это требует несколько больших затрат средств (презренного металла), которых, как это видно из отчета, в федеративной кассе нет. Было

бы благоразумно, чтобы группы и отдельные тов. на местах, обсудили этот вопрос, и в то же время, чтобы не задерживали выручки из журнал.

Товарищи! Присылая денежные отчеты, старайтесь, как можно, излагать короче, ибо сильно ограничено остается места в журнале для помещения отчетов.